

ИЛИАДА (Гомер)
перевод А. Сальникова

16+

Гомер

Илиада. Перевод А. А. Сальникова

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Гомер

Илиада. Перевод А. А. Сальникова / Гомер — «ЛитРес: Самиздат», 2011

«Илиада» – эпическая поэма древнегреческого поэта Гомера о легендарной Троянской войне. Поэма не только рассказывает о десятилетней войне ахейцев с троянцами за прекрасную Елену, но и раскрывает перед читателем много актуальнейших и сегодня вопросов общечеловеческого характера, вопросов о любви и дружбе, о жизни и смерти. Новый перевод «Илиады» Гомера на современный русский язык, выполненный А. А. Сальниковым в 2011 году, уже получил признание среди читателей. Дизайн обложки Александра Сальникова, в оформлении использована картина Огюста Лелуара "Гомер".

© Гомер, 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Песнь первая. Язва. Гнев	5
Песнь вторая. Сон. Беотия, или Перечень кораблей	19
Песнь третья. Клятвы. Смотр со стены. Единоборство Александра и Менелая	39
Песнь четвертая. Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном	50
Песнь пятая. Подвиги Диомеда	62
Песнь шестая. Свидание Гектора с Андромахой	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Гомер

Илиада. Перевод А. А. Сальникова

Песнь первая. Язва. Гнев

Гнев, о, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!
Гнев неуёмный его много бедствий ахеянам сделал:
Тысячи душ погубил он могучих и славных героев,
В мрачный Аид их послав! А тела же оставил окрестным
5 Птицам и псам! Такова была воля бессмертного Зевса
С самого дня, как раздор обернулся жестокой враждою
Между Атридом царём и героем войны Ахиллесом.

Кто ж из бессмертных богов их привёл к этой пагубной ссоре?
Феб Аполлон, – он был зол на Атрида, – сын Зевса и Леты!
10 Мор он на войско навёл, казнь верша, гибли толпы ахейцев
Из-за того, что Атрид оскорбил жреца, старого Хриса.
Жалкий старик приходил к кораблям быстролётным ахейским
Выкупить пленную дочь. Принеся свой бесчисленный выкуп,
Старец стоял и, держа жезл в руках золотой, с Аполлона
15 Красным венцом, умолял он собравшихся вместе ахеян,
Пуще же – грозных вождей рати всей, двух могучих Атридов:
«Дети Атрея! И вы, ратоборцы ахейского войска!
Боги помогут вам пусть, что имеют дома на Олимпе,
Город Приама разбить и живыми домой возвратиться!
20 Вы же, мой выкуп приняв, мою милую дочь мне верните.
Этим окажете честь сыну Зевса, разящему Фебу».

Дружеским криком тогда все ахейцы согласие дали
Честь старику оказать и принять драгоценнейший выкуп.
Лишь Агамемнон Атрид не доволен был этим. Он строго
25 Хриса жреца отослал, и сказал ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда у судов тебя больше не видел!
Прочь от ахеян! И впредь не рискуй показаться здесь снова!
Или тебя не спасут ни твой жезл, ни венец Аполлона.
Дочь твоя будет в плену, и она постареет в неволе,
30 В Аргосе, в доме моём, от тебя и отчизны далёко —
Ткацкий станок обходя, или ложе со мной разделяя.
Так что уж лучше не зли! Уходи по добру, по здорову!»

В страхе трепещет старик, и указу царя покоряясь,
Прочь он, печальный, пошёл, вдоль кипящего шумного моря.
35 От кораблей удалясь, Хрис в слезах к Аполлону взмолился,
Богу-владыке, стрелку, сыну Леты прекраснокудрявой:
«Феб сребролукий, внемли! Ты, что мощно царишь в Тенедосе;
Киллу священную и Хрису, вечно хранящий, обходишь!
Сминфей, послушай, не я ль украшал дивный храм твой священный?

40 На алтаре пред тобой возжигались мной тучные бедра
Коз и тельцов. Так услышь, и исполни одну мою просьбу:
Слёзы мои отомсти аргивянам стрелами своими!»

Плача, он Феба молил. Внял ему Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пылающий гневом,
45 Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко звучали, трясясь, за плечами крылатые стрелы

В такт его гневных шагов; был он хмур, тёмной ночи подобен.
Вот кораблей он достиг. Грозно стрелы пернатые мечет, –
Страшно серебряный лук зазвенел под рукой Аполлона.
50 Мулов в начале и псов празднобродных разил стреловержец.
После напал на людей, смертоносными стрелами брызжа.
Частые трюпов костры непрерывно пылали по стану.

Девять без устали дней на войска стрелы бога летели;
В день же десятый Пелид всех ахеян призвал на собрание.
55 Это вложила ему в мысли вечнодержавная Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходилась народ, и, когда же все вместе собрались,
Встав перед воинством, так говорил Ахиллес быстроногий:
«Можем, Атрид, лишь тогда мы вернуться домой, в свои семьи,
60 Морем обратно пройти, – если здесь мы от смерти спасёмся!
Здесь же и мор, и война истребляют ахеян безмерно.
Нужно, Атрид, испытать и спросить нам жреца ли, пророка,
Или гадателя снов (ведь бывают же сны и от Зевса):
Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
65 Гневен ли он за обет неисполненный, за гекатомбу?
Или от избранных коз и ягнят благовонного тука
Требует бог Аполлон, чтоб избавить ахеян от язвы?»

Речь свою кончил и сел Ахиллес. От собрания сразу
Кáлхас Фестóрид тут встал, предвещатель по птицам верховный.
70 Мудрый, он многое знал: то, что было, что есть и что будет.
Он и ахеян суда проводил по морям к Илиону
Даром пророка; ему это свыше даровано, Фебом.
Перед собранием речь мудрый Кáлхас держал, так сказал он:
«Царь Ахиллес! Ты хотел слышать истину, Зевса любимец;
75 Гнева причину узнать Аполлона, разящего метко?
Я возвещу! Только ты поклянись мне, Пелид, перед войском,
Что не оставишь в беде, защитишь меня словом и делом.
Речью своей я боюсь прогневить предводителя войска,
Знатного мужа, царя аргивян и вождя всех ахейцев.
80 Слишком могуществен он, и уж если свой гнев неуёмный
В первую пору смягчит, – всё же скрытую злобу оставит
В сердце своём до тех пор, пока мстью свой гнев не насытит.
Ну, так скажи, Ахиллес, кем ты будешь: копьём ли, щитом мне?»

Тут же на это ему отвечал Ахиллес благородный:
85 «Смело нам правду скажи! Возвести, мы воспримем любую!
Зевса любимцем клянусь, Аполлоном, которому, Кáлхас,
Молишься ты, и тебе по молитве он всё открывает:
Суть всех вещей, всё, что есть и что будет, – клянусь тебе, Кáлхас,
В стане ахейском никто на тебя и руки не поднимет,
90 Жив я пока, даже сам предводитель верховный ахейян
Царь Агамемнон Атрид. Так что ты под моею защитой».

Так он сказал. И тогда им ответил пророк непорочный:
«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчную гневен
Феб, а за Хриса жреца. Обесчестил его Агамемнон:
95 Дочь старику не вернул и обидой на просьбу ответил,
Выкуп не принял Атрид. Был на это разгневан бессмертный,
Язву послал он на нас, и ещё покарает за дерзость!
Только когда мы жрецу возвратим безо всякой оплаты
Дочь черноглазую, и в Хрису жертву святую представим
100 Сотни тельцов, лишь тогда Аполлона мы склоним на милость».

Так мудрый Кáлхас сказав, сел. И тут же поднялся пред всеми
Мощный и гордый Атрид Агамемнон, верховный правитель.
Гневом пылал он; в груди его мрачное сердце ужасной
Полнилось злобой; глаза словно пламень пылали, искрились.
105 Кáлхасу первому он, гневно глядя, сказал со свирепством:
«Бед предвещатель! Ты мне никогда слов приятных не скажешь!
Радостно, видно, тебе людям беды одни лишь пророчить!
Добрых вестей от тебя никогда я не слышал, ни разу!
Вот и теперь ты опять проповедуешь нам божье слово:
110 Будто войскам нашим зло дальномечущий Феб посылает,
Мстя, что не взял я даров и свободу не дал Хрисеиде...
Знай, что в душе я желал черноглазую деву, дочь Хриса,
В дом мой ввести; предпочёл я б её и самой Клитемнестре,
Девой которую взял я в супруги; её Хрисеида
115 Вовсе не хуже лицом, и умом, и делами, и статью!..
Но соглашусь, и её возвращу, если требует польза:
Лучше мне видеть народ мой спасённым, чем гибель и язвы.
Дайте другую тогда мне награду, чтоб в стане аргивском

Я без награды один не остался, ведь это позорно.
120 Вы же все видите то, что награду свою я теряю».

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахейцам награду?
Знаешь ты, – нет ведь у нас сохраняемых общих сокровищ:
125 Всё, что добыли войной, города разорив, – разделили!
Вновь отбирать и делить у своих же – то вдвое позорно!
Лучше награду свою вернуть, в угождение богу.
После мы втрое тебе, даже вчетверо больше заплатим,

Если позволит нам Зевс крепкостенную Трои разрушить».

130 Гневно, к нему обратясь, отвечал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, что бессмертным подобен,
Ты не хитри! И меня ты никак провести не сумеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишённый
Молча сидел? Мне отдать Хрисеиду советуешь? Ладно,
135 Только тогда пусть дадут мне ахейцы другую за эту,
Равную деве моей, и приятную столь же для сердца!
Если ж откажут, я сам к вам приду и возьму себе деву;
Может, твою, Ахиллес, иль – Аякову, иль – Одиссея!
Сам я приду и возьму! Но тогда на меня не пеняйте!..
140 Ладно, об этом ещё побеседовать можем и после.
Нынче же черный корабль мы на море священное спустим,
Сильных гребцов изберём, и тельцов для святой гекатомбы,
И отведём на корабль Хрисеиду, прекрасную деву.
А капитаном пускай будет знатный ахеец совета:
145 Идомений, Одиссей Лаэртид, иль Аякс Теламонид,
Или ты сам, Пелейон, быстроногий отважнейший воин!
Действуй! И в милость склони Аполлона священную жертвой!»

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, потерявший свой стыд! Ты мздолюбец с коварной душой!
150 Кто из ахейян твои повеления слушать захочет?
Кто, мне ответь, хоть сейчас и в поход, и в сражение смело?!
Я для себя что ль пришёл, чтобы здесь мне с троянами биться?!
Предо мною ни в чём нет вины у троян конеборных.
Ни лошадей у меня, ни коров не украли трояне
155 В Фтии счастливой моей, многолюдной, обильной плодами;
Нив не топтали они, и не жгли урожаев. Просторы
Нас разделяли всегда гор, лесов и бескрайнего моря.
Нет, для тебя мы пришли! Здесь мы тешим тебя перед Троей,
Честь Менелаю ища и тебе, человек псообразный!
160 Ты же бесстыдно не чтишь нашей службы, а нас презираешь!
Мне угрожаешь отнять у меня боевую награду,
Плату военных побед, драгоценнейший дар от ахейян?
Только с тобой никогда не имел я награды на равных!
Если же город какой мы захватим троянский цветущий,
165 То при разделе твой дар – самый лучший, а я же и с малым
В стан возвращусь не ропща, от сражений с врагами уставший.
Только не руки ль мои в страшных битвах победы приносят?!
Всё! Я во Фтию иду! Для меня несравненно приятней
В дом возвратиться родной на своих кораблях быстроходных,
170 Чем, посрамлённым тобой, за тебя продолжать ратоборство.
Я не намерен тебе умножать здесь добычу и славу».

Тут же ответил ему повелитель мужей Агамемнон:
«Что ж, если хочешь, беги! Я тебя не прошу тут остаться
Ради меня. Только знай: здесь хватает мужей достославных,

175 Честь мне окажут они! И за нас будет Зевс громовержец!
Всех ненавистней ты мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и милы разногласия, битвы, раздоры.
Храбростью ты знаменит; но она – дарование бога.
В дом возвращайся, беги с кораблями своими, с дружиной;
180 Властвуй фессальцами! Прочь! Больше я о тебе не забочусь!
Я презираю твой гнев! Прежде сам тебе буду грозить я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду, –
Я возвращу, и корабль снаряжу, и людей предоставлю.
Только к тебе, Ахиллес, я приду, и твою Брисеиду
185 За Хрисеиду возьму! Для того, чтобы ясно ты понял:
Власть моя выше твоей! Для того чтобы каждый страшился
Мнить себя равнею мне и со мною, дерзя, пререкаться!»

Горько Пелиду от слов и угроз Агамемнона стало,
Мощное сердце в груди волосатой в сомнениях билось:
190 Меч ли немедля достать обоюдоразящий из ножен,
Чтобы охрану разбить и убить властелина Атрида;
Или свирепость смирить, обуздать огорчённую душу?..
Мыслями этими он, пылкий разум и душу волнуя,
Страшный свой меч вынимал... В этот миг появилась Афина,
195 С неба стрелою слетев, по велению золототронной
Геры – богини богинь, что любила обоих героев.
Резко Афина взяла Ахиллеса за русые кудри,
Видима только ему, для других оставалась незрима.
Дочь громовержца узнав, Ахиллес отступил, испугавшись:
200 Пламенем страшным глаза у богини Афины горели.
Но, страха миг обуздав, к ней крылатую речь устремил он:
«Дочь Эгиоха, зачем ты сюда прилетела с Олимпа?
Может, ты буйство царя Агамемнона видеть желаешь?
Слово тебе я даю, и, поверь, оно скоро свершится.
205 Этот надутый гордец свою душу гордыней погубит!»

Сыну Пелея тогда так ответила дочь Эгиоха:
«Если покорен богам, гнев ты свой укроти беспримерный!
Лишь для того послала меня вниз златотронная Гера,
Чтоб объяснить: вас она одинаково любит и ценит.
210 Кончи раздор, Ахиллес! Если хочешь, то гнев свой довольствуй,
Злыми словами разя, но рукою меча не касайся!
Вот что тебе я скажу, и, поверь, то исполнится скоро:
Ты за обиду свою даже в три раза больше получишь
Столь же прекрасных даров! Успокойся и нам повинуйся!»

215 К ней обратившись опять, так сказал Ахиллес быстроногий:
«Должен я, Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Тот, кто покорен богам, и от них много милости видит».

Тут он могучей рукой, крепко сжав серебро рукояти,

220 Меч свой огромный назад быстро в ножны вложил, покоряясь
Слову Паллады; и та на Олимп вознеслась без задержки,
В дом Эгиоха отца, к небожителей светлому сонму.
Снова Пелид Ахиллес быстроногий суровое слово
Сыну Атрея послал, дав свободу обиде и гневу:
225 «Винная бочка! Глаза – как у пса, сердце – словно у лани!
Ты никогда не дерзал смело встать перед войском, открыто,
В битву вести за собой, иль пойти на засаду с мужами
Храбрыми вместе. Тебе это кажется страшною смертью!
Лучше и легче стократ по широкому стану ахейян
230 Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель людей! Над презренными царь ты, не больше!
Знай же, Атрид, ты нанёс мне обиду, последнюю в жизни!
Слово тебе я даю, и, поверь, оно скоро свершится.
Скипетром этим клянусь, он теперь уж ни веток, ни листьев
235 Вновь не распустит, и сам к корню он, что оставил однажды,
Не прирастёт. Медь с него и листву, и кору удалила.
Лишь стражи Зевсовых слов – судьи нынче в руках его носят.
Пусть этот скипетр теперь тебе будет великою клятвой.
Раньше пусть он зацветёт, если вдруг окажусь я неправым:
240 Время придёт, и меня пожелают данайцы увидеть
Все до последнего! Ты ж, и жалея, бессилен им будешь
Чем-то помочь, если вдруг налетит сокрушительный Гектор,
Будет всех в пыль повергать. Истерзаешь ты в бешенстве душу,
Злясь на себя, что сейчас ты храбрейшего так обесславил».

245 Это сказав, Ахиллес, дерзко бросил на землю свой скипетр,
Золотом скипетр блеснул. Ахиллес снова сел меж царями.
Сидя напротив, Атрид Агамемнон бесился. Тут Нестор
Пилосский встал говорить, громогласный и сладкоречивый;
Вещие речи его были слаще сладчайшего меда.
250 Два поколения уже пережил современников Нестор,
Два поколения ушли, что когда-то росли с ним и жили
В Пилосе пышном. Теперь старец царствовал вот уж над третьим.
Мудростей полон благих, так собравшимся Нестор вещает:
«Боги! Великая скорбь на ахейскую землю приходит!
255 О! возликует Приам и Приамовы гордые дети,
Духом воспрянут теперь обитатели Трои великой,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю.
Ведь меж данаями вы в сонмах – первые, первые – в битвах!
Так укротите ж свой гнев! Вы сильны, но меня вы моложе,
260 Мне довелось повидать и сильнее, чем вы, ратоборцев;
С ними в беседы вступал, и они не гнушались советом.
Больше подобных мужей я не видел, да и не увижу.
Где вы найдёте таких, как Дриас, предводитель народов;
Как Пирифой и Кеней; Полифем, небожителям равный;
265 Грозный Эксадий; Тезей беспримерный, Эгеем рождённый!
Мощью равнялись богам! Ну а мудростью – старцам равнялись!
Были могучи они, и с могучими в битвы вступали,

С лютыми горцами бой принимали и всех побеждали.
Я же и с ними дружил, Пилос свой оставляя на время,
270 В Апии землю ходил: они сами меня приглашали.
Там я, по силам моим, подвизался. А с ними равняться
В силе никто б не дерзнул из сегодня живущих на свете.
Но и они мой совет принимали и слушали речи.
Будьте послушны и вы, так как слушать советы полезно.
275 Ты, Агамемнон, могуч, но зазря не лишай Ахиллеса
Девы: в награду ему её дали ахейцы за храбрость.
Ты ж, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной ещё не стяжал ни единый доньне
Скипетроносец, кого Зевс своей возвеличивал славой.
280 Мужеством ты знаменит, родила тебя мать не земная,
Только здесь главный – Атрид, повелитель народов несчётных.
Ты ж, Агамемнон, молю, успокой своё гордое сердце,
Гнев отложи до поры на героя Пелида, который:
Всем нам, ахейцам, оплот в наших битвах с войсками троянцев».

285 Тут же ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Ты справедливо сказал и разумно, о, старец мудрейший.
Но посмотри на него, ты же видишь, он гнёт свою палку,
Хочет командовать сам, и начальствовать в войске над всеми!
Только ему никогда на меня не накинуть уздечку!
290 Храбрость безмерна его! Боги этим его наделили.
Но и она не даёт ему прав оскорблять меня лично!»

Гневно его тут прервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всём и везде я тебе угождал молчаливо.
295 Требуй того от других, ты, напыщенный злой властолюбец!
Здесь не приказывай мне! Больше слушать тебя не намерен!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружием в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отнимайте, что дали!
300 Что ж до трофеев других, в корабле моём чёрном хранимых,
То против воли моей ничего ты из них не получишь!
Или, приди и возьми! И пускай это люди увидят:
Чёрная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»

Так полководцы, ведя меж собою словесную битву,
305 Встали, тем самым закрыв сбор ахейн перед кораблями.
Царь Ахиллес к кораблям быстролётным своим, мирмидонским,
Гневный пошёл, и при нём Менетид с мирмидонской дружиной.
Царь же Атрид повелел судно лёгкое в волны поставить,
Двадцать избрал он гребцов, и возвёл на корабль гекатомбу –
310 Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
Ввёл на корабль. Старшим стал из царей Одиссей многоумный.
Быстро они, устремясь, полетели по водной дороге.

Той же порою Атрид повелел очищаться ахейцам;
Все очищались они и нечистое в волны кидали.
315 После, для Феба творя гекатомбы у берега моря,
Выбрали лучших и коз, и тельцов, и огни возводили.
Жгли они тук, сладкий дух до небес восходил вместе с дымом.

Так аргивяне, трудясь в своём стане, богов ублажали.
Но Агамемнон пока не забыл ни обиды, ни злобы;
320 Вызвал Талфибия он, следом вызвал ещё Эврибата,
Верных приспешников, им стал он, гневный, наказывать строго:
«Вестники верные, вы отправляйтесь к Ахиллу Пелиду;
За руки взяв, предо мной Брисеиду немедля представьте!
Если же он не отдаст, возвращайтесь, – к ослушнику сам я
325 С войском приду, и тогда пусть пеняет, ему ж будет хуже».

Так их послал, наказав передать своё грозное слово.
Нехотя вышли они к Ахиллесу по берегу моря.
К быстрым судам подойдя мирмидонским, к шатрам их походным,
Видят: сидит Ахиллес перед ставкой своей очень хмурый.
330 Вестников сразу узнав, раздражения он не скрывает.
Оба смутились, стоят, и в почтительном страхе к владыке
Ближе не смеют ступить; ни сказать, ни спросить не дерзая.
Видя несмелость послов, им сказал Ахиллес благородный:
«Я вас приветствую здесь, как глашатаев бога и смертных!
335 Ближе идите, вины вашей нет. Это всё – Агамемнон!
Он вас послал за моей Брисеидой, за юным трофеем...
Друг, благородный Патрокл, приведи и отдай Брисеиду;
Пусть забирают. Теперь они будут свидетели сами
И пред богами, и пред племенами народов, что в стане;
340 И перед алчным царём, если снова нужда во мне будет,
Чтобы от смерти спасти остальные войска, от позора...
Верно, свирепствует там. От гордыни ума он лишился.
Он, – не умея свести настоящего с будущим, – плохо
Видит, как нам при судах обеспечить спасение войску!»

345 Так говорил Ахиллес. А Менетиев сын в это время
За руку вёл из шатра к ним прекрасноланитную деву.
Отдал послам, и они повернули к ахейским стоянкам.
Дева печальная шла вместе с ними. Ахилл прослезился,
Встал и, оставив друзей, далеко ото всех удалился.
350 Сел у пучины седой, и, взирая на тёмное море,
Плача, он руки простёр, к своей матери горько взывая:
«Мать моя милая! Ты, породила меня кратковечным,
Но разве Зевс Эгиох, что над всеми, высокогремящий
Не обещался за то дать мне славу земную на веки?
355 Где она, если меня Агамемнон, могуществом гордый,
Так обесчестил, отняв мой трофей, чтоб владеть им как хочет?!»

Так сокрушался Ахилл, и слышала мать неземная

Сына из бездны морской, из обители старца Нерея.
Быстро из пенистых волн, словно лёгкое облако, вышла
360 К милому сыну она, проливавшему горькие слёзы.
Нежно ласкала рукой, рядом сев, так ему говорила:
«Что же ты плачешь, мой сын? Что так сердце печалит? Скажи мне,
И не скрывай ничего. Расскажи, чтобы оба мы знали».

Тяжко со стоном вздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
365 «Милая мать! Для чего тебе, знающей всё, говорить мне?
Свой совершали поход мы на Фивы, на град Этиона;
Город затем разгромив, всё, что взяли, представили стану;
Поровну между собой поделили добычу, как должно:
Сыну Атрея мы дочь миловидную Хрисову дали.
370 Вскоре в наш стан прибыл Хрис, старый жрец дальнобойного Феба,
К чёрным пришёл кораблям аргивян меднобронных, желая
Выкупить пленную дочь; и принёс он бесчисленный выкуп.
Старец стоял и, держа жезл в руках золотой с Аполлона
С красным венцом, умолял он собравшихся вместе ахеян
375 Милую дочь возвратить. Пуще ж он обращался к Атридам.
Дружеским криком тогда все ахейцы согласие дали
Честь старику оказать и принять драгоценнейший выкуп.
Лишь Агамемнон Атрид не доволен был этим. Он строго
Хриса жреца отослал, и сказал ему грозное слово.
380 Жрец огорчённый ушёл, горько стал Аполлону молиться.
И Аполлон снизошёл, – был ему мудрый старец любезен, –
Он на данаев послал истребления грозные стрелы;
Гибли народы вокруг, всюду трупы, – так стрелы разили,
С края летая на край по широкому стану данаев.
385 Кáлхас премудрый тогда нам поведал о промысле Феба.
Первым советовал я укротить раздражённого бога.
Гневом зажётся Атрид, с места встав, он свирепствовал долго,
И унижал, и грозил; и угрозы свои он исполнил!..
В Хрису священника дочь быстроокие дети ахейцев
390 В лёгком везут корабле и дары примирения богу.
Только что были послы от Атрида ко мне и забрали
Брисову дочь у меня, драгоценнейший дар от ахеян!
О, моя милая мать! Заступись ты за храброго сына!
Нынче ж взлети на Олимп и моли всемогущего Зевса,
395 Если же сердцу его угождала ты словом и делом.
Часто в отцовском дворце от тебя я в дни юности, слышал,
Как ты хвалилась, что зло от сгустителя туч, от Кронида,
Между богов ты одна отвратила, раскрыв злые козни
В день, как его оковать олимпийские боги дерзнули:
400 Гера, с ней бог Посейдон, воедино с Афиной Палладой.
Ты, о, богиня, пришла, уничтожив оковы на Зевса;
На многохолмный Олимп призвала ты сторукого в помощь,
Имя ему средь богов – Бриарей, Эгеон – у людей он:
Страшный титан, и отца своего превышающий силой.
405 Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.

Боги, увидев его, в страхе все отступили от Зевса.
Зевсу напомни о том и моли, обнимая колени,
Пусть он захочет в боях постоять за врагов, за троянцев,
Пусть он ахейцев теснит до судов и до самого моря,
410 Смертью разя! Пусть своим наслаждаются царём аргивяне;
Сам же надменный Атрид, многовластный царёк, пусть познает,
Сколь он преступен, что так надругался над храбрым ахейцем».

Льющая слёзы, в ответ сыну так говорила Фетида:
«Сын мой! Зачем я тебя воспитала, рождённого к бедам!
415 Дай же, о Зевс, чтобы ты без печалей и слёз мог остаться
У кораблей. О, мой сын! Краток век твой, предел его близок!
Всех кратковечнее ты! Вместе с тем, ты и всех злополучней!
В злую годину тебя родила я, о, сын мой, на горе!..
Я вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
420 Всё расскажу! Может быть, на мольбы мои Зевс отзовется.
Ты же иди к кораблям мирмидонским, при них оставайся,
Гнев на Атрида держи и от битв отстранись совершенно.
Зевс громовержец вчера к отдалённым краям Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам ушёл непорочным;
425 Но на двенадцатый день на Олимп он опять возвратится.
В тот день к нему я пойду, к меднопышному Зевсову дому,
В ноги ему упаду, умолить я его постараюсь».

Так обещала она и ушла. Сын печальный остался,
Скорбь свою в сердце питал он о деве красивой, нарядной,
430 Той, что Атрид отобрал, уведя её силой из ставки.

В Хрису меж тем Одиссей с гекатомбой священной прибыл.
Легкий корабль на волнах залетел в глубодонную гавань
И опустил паруса, их сложили на чёрное судно,
Мачту к гнезду привлекли, расторопно спустив на канатах;
435 К пристани дружно корабль подогнали ахейцы на вёслах,
Бросили якорь в волну, привязали канаты к причалу,
Дружно на берег сошли. Что с собой привезли, всё – на берег!
Сводят священных тельцов, гекатомбу царю Аполлону,
Следом и Хрисову дочь проводили на отчую землю.
440 Деву повёл к алтарю Одиссей благородный и мудрый,
Старцу в объятья отдал и приветствовал словом умелым:
«Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
Дочь тебе в руки вернуть, и для Феба свершить гекатомбу
Здесь за данайский народ, чтобы в милость склонить нам владыку,
445 В гневе, который на нас ниспослал много тягостных бедствий».

Так он сказал и вручил Хрису деву, жрец радостно обнял,
Милую дочь. Между тем гекатомбную славную жертву
Ставят ахейцы вокруг алтаря пышнодивной работы;
Руки водою омыв, они соль и ячмень поднимают.
450 Громко молитву прочёл Хрис, к горé воздевающий руки:

«Феб сребролукий, внемли! Ты, что мощно царишь в Тенедосе;
Киллу священную и Хрису, вечно хранящий, обходишь!
Ты благосклонно всегда при молитве моей отзывался,
Этим прославил меня. И ахеян сразил ты стрелами.
455 Так же услышь и сейчас, и исполни моление старца:
Нынче ж погибельный мор отврати от народов ахейских».

Так он взывал, и его Аполлон сребролукий услышал.
Кончив молить, ячменём посыпали на жертвы и солью,
Шеи им подняли вверх, закололи и кожи содрали,
460 Бедра затем отсекали, и обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом, и на них положили останки сырые.
Жрец их сжигал на дровах, темно-красным вином окропляя.
Юноши возле него пятизубные вилы держали;
Бедра сожгли и, вкусив требухи от закланных животных,
465 Всё остальное дробят на куски, поддевают на вилы,
Жарят на них над огнём, и, умело сготовив, снимают.
Так завершили обряд, и ахеяне пир учредили.
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
Ну а когда и питьем, и едой утолили свой голод,
470 Юноши снова вином переполнили кубки резные,
Кубками всех обнесли, начиная от правого края.
Пением дружным весь день ублажали ахеяне бога;
Гимн Аполлону царю громко юноши пели, во славу
Бога-стрелка. Аполлон веселился, мотиву внимая.

475 Солнце скатилось с небес. И лишь сумрак на землю спустился,
Прибывшие улеглись у причала, у самого судна.
Но, лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялись, чтобы плыть им обратно к военному стану.
Ветер попутный послал прямо с пристани Феб сребролукий.
480 Мачту поставили, все паруса распустили седые,
Средний же парус тотчас переполнил дыханием ветер.
Страшно вокруг корабля зашумели пурпурные волны.
Быстро по ним он летел, борозду за собой оставляя.
Только ахейцы пришли с моря к ратному стану, как тут же
485 Чёрный корабль извлекли на покатуя сушу, поставив
Выше от вод, на песке, подкатив преогромные брёвна.
Сами потом разошлись по своим кораблям и по ставкам.

Зевса питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий воитель,
Возле своих кораблей оставался меж тем, с гневом в сердце.
490 Не приходил он в совет предводителей славных ахейских,
Не был и в грозных боях. Свою душу питая печалью,
Праздный сидел; но желал он безмерно сражений и славы.

Вот и двенадцатый день миновал с той поры. Возвратились
Боги на светлый Олимп многохолмный; за Зевсом Кронидам
495 Прибыли все как один. Не забыла богиня Фетида

Сына молений, она рано утром из пенного моря,
Вместе с туманом взошла на безмерное небо, к Олимпу.
Видит, на самом верху белоснежной обители божьей
Молний метатель сидит, тёмных туч грозовых собиратель.
500 Рядом садится она, обнимает колени владыке
Левой рукой, а другой – ему бороду ласково гладит,
И умоляет его, из бессмертных сильнейшего бога:
«Если когда, наш отец, я тебе из бессмертных угодна
Словом ли, делом была, то исполни одну мою просьбу!
505 Зевс! За Пелида, молю, отомсти, век и так его краток;
Но Агамемнон его обесчестил, властитель надменный:
Честный трофей отобрал, и теперь им владеет, как хочет!
Ты отомсти за него, промыслитель небесный, Кронион!
Войску троянскому дай ты победы, пока все ахейцы
510 Сына почтить не придут, не возвысят его пред собою».

Так говорила. Но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел. А она, обняв Зевсу колени,
Так и держала, припав, и опять умоляла Кронида:
«Дай нерушимый обет, и священное знаменье сделай,
515 Или отвергни меня! Говори, – я же удостоверюсь,
Всех ли презреннее я для тебя среди богинь нынче стала».

Ей он, вздохнув глубоко, отвечает весьма неохотно:
«Скорбное дело. Поверь, на меня возбуждаешь ты злобу
Геры надменной. Она и меня оскорбит и озлобит.
520 Гера и так каждый раз перед сонмом бессмертных со мною
Спорит, вопит на меня, что троянцам в войне помогаю.
Ладно, теперь уходи, чтобы Гере тебя не увидеть.
Просьбу твою я приму. Обо всём позабочусь, исполню.
Знаменье вот для тебя: я слегка лишь кивну головою.
525 Это всегда от меня для бессмертных богов величайший
Слова залог: что вовек эта клятва моя непреложна,
Ей не свершиться нельзя, если я лишь кивну головою».

Тут же, во знаменье, Зевс сдвинул чёрные брови, и следом
Лёгким кивком всколыхнул благовонных волос своих волны
530 Вкруг головы. В тот же миг весь потрясся Олимп многохолмный.

Так сговорились они и расстались. И быстро Фетида
Ринулась в бездну морей с белоснежной вершины Олимпа.
Зевс же пошёл в главный зал. Боги встали, встречая Кронида.
Перед бессмертных отцом ни один не дерзнул из встречавших
535 Сидя увидеть его, и при встрече все дружно поднялись.

Зевс Олимпиец на трон свой воссел. Но владычица Гера,
Видела, как с ним в тиши говорила пучинного старца
Сереброногая дочь, мать ахейца, героя Пелида.
Тут же язвительно, зло обратилась она прямо к Зевсу:

540 «Кто из бессмертных с тобой, мой коварный, секретничал нынче?
Знаю, приятно тебе от меня кулуарничать скрытно,
Тайные мысли держать! Никогда ты по собственной воле
Мне не решался сказать ни полслова из помыслов тайных!»

Гере на это сказал повелитель бессмертных и смертных:
545 «Гера, ты мысли мои все узнать не надейся напрасно!
Тяжки они для тебя, даже если ты мне и супруга!
Что невозможно познать, никогда и никто не познает!
Но то, что можно, поверь, прежде всех ты узнаешь бессмертных.
Если ж хочу я один, без советников, что-то замыслить,
550 То ты с расспросом не лезь! И узнать за спиной не пытайся!»

Зевсу сказала тогда волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель! Зачем ты мне так отвечаешь, жестокий?
Я ни тебя расспросить, ни узнать за твоею спиною
Век ничего не хочу! Делай всё, что замыслишь, спокойно.
555 Я об одном лишь прошу: пусть тебя не преклонит мольбою
Старца пучинного дочь, сереброногая мать Ахиллеса,
Та, что сидела с тобой и колени твои обнимала.
Ты ей и знаменье дал, обещав за обиду Пелида
Мсть совершить и разбить аргивян перед их кораблями».

560 Гере немедля на то отвечал грозных туч собиратель:
«Дивная! Видишь ты всё, и за мною следишь неустанно!
Сделать же ты ничего не успеешь, оставь и надежду.
Только меня разозлишь ты сильнее, и тебе ж будет хуже!
Раз уж всё сделалось так, – значит, так и угодно мне было!
565 Ты же сиди и молчи! И словам моим впредь повинуйся!
Или тебя не спасут даже все божества на Олимпе,
Если я, встав, наложу на тебя свою мощную руку!»

Тут испугалась его волоокая Гера богиня,
Села, смирившись, молчит, уняла возмущение в сердце.
570 В Зевсовом доме слышны лишь тревожные вздохи бессмертных.
Слово тогда взял Гефест, олимпийский художник, желая
Матери милой помочь, белоплечей божественной Гере:
«Горестны будут дела нам такие, вконец нестерпимы,
Если враждуете вы из-за смертных со злобой кипучей;
575 Если вы в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
Радость от пиршества нам, если зло даже здесь торжествует!
Мать, убеждаю тебя, хоть премудра сама ты, послушай,
Зевсу царю покорись! Дабы снова бессмертный владыка
Гневом не грянул и нам не смутил безмятежного пира.
580 Если захочет отец, Олимпиец, громами блестящий,
Всех он с престолов сшибёт! Ведь могуществом всех он превыше!
Ты постарайся его лучше сладкими тронуть словами,
Сразу он сменит свой гнев, сразу будет он милостив с нами».

Это сказал он и встал, и блистательный кубок двудонный
585 Матери милой поднёс, и опять обратился к ней с речью:
«Милая мать, я прошу, ты стерпи, как ни горестно сердцу!
Очень ты мне дорога, так не дай же увидеть ударов
Зевса на теле твоём, ведь помочь тебе буду бессилён,
И оттого я страдать буду тяжко. Нам с ним не тягаться!
590 Он уж и раньше меня, когда так же помочь я старался,
В гневе за нóгу схватил и небес сбросил прямо на землю:
Падал стремглав я весь день, лишь с закатом блестящего солнца
Рухнул на Лемнос, едва сохранивший дыханье. Но всё же
Мужи сингийские там меня приняли с должным почтеньем».

595 Так он сказал. У него белоплечая Гера с улыбкой
Кубок из рук приняла. Тут Гефест, олимпийский художник,
С правой начав стороны, и другим небожителям тоже
Сладкий подносит нектар, из большой его черпая чаши.
Боги весёлые смех несказанный и шумный подняли,
600 Глядя, как с кубком Гефест суетится по залу, хромая.

Так пировали весь день до заката блаженные боги
И услаждали сердца дивным пением сладкоголосых
Муз, что им пели стихи под мелодии лиры прекрасной,
Той, что у Феба в руках разливалась божественным звуком.

605 Но только солнце зашло, небожителей в сон потянуло,
И потянулись они по домам своим с дружного пира.
Каждый имел дивный дом на холмистых вершинах Олимпа,
То им искусный Гефест хромоногий, замыслив, построил.
Зевс в свою спальню пошёл на покой, олимпийский властитель,
610 Там он всегда почивал, если сон посещал его сладкий.
Там и сейчас он возлёт, и при нём златотронная Гера.

Песнь вторая. Сон. Беотия, или Перечень кораблей

Боги бессмертные спят. Спят и коннодоспешные мужи.
Только Кронион не спит. Его сладостный сон не покоил.
Он волновался всю ночь, думы думая, как Ахиллеса
Выручить, как отомстить, как ахеян разбить в их же стане.
5 Сердцу его, наконец, показалась удачной идея
Сыну Атрея послать Сон обманчивый этой же ночью.
Зевс тотчас вызвал к себе бога Сна и велел ему строго:
«Мчись же, обманчивый Сон, к кораблям быстролётным ахеян;
К сыну Атрея явись ты в шатёр, к Агамемнону в ложе;
10 Всё ты ему возвести непременно, как я завещаю:
Нынче же пусть лично сам в бой ведёт он кудрявых данайцев,
Все ополчения их; и тогда завоюет троянский
Град многолюдный! Скажи: на Олимпе живущие боги
В мыслях едины теперь; наконец, Гера всех убедила.
15 Боги ей вняли. И вот, уже носится гибель над Троей!»

Так он сказал. Полетел Сон, велению Зевса покорный.
Быстро достиг кораблей мореходных аргивских, туманом
Тихо потёк он к шатрам двух Атридов; в одном Агамемнон
Спал; над его головой амброзический сон разливался.
20 Тут, прежний сон оттеснив, Сон обманчивый образ Нелида
Нестора взял: больше всех почитал его царь Агамемнон.
Так, мудрым старцем представ, Сон обманчивый лжевозвещает:
«Спишь, Агамемнон Атрид, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во снах проводить подобает ли мужу совета,
25 Коему вверил Кронид столько войск, и забот, и решений!
Слушай, что я говорю! И вникай! Я – посланник Кронида.
Он и с высоких небес о тебе, милосердный, печётся;
Нынче ж тебе он велит в бой вести кудревласых данаев,
Все ополчения их; и тогда завоюешь троянский
30 Град многолюдный! Поверь, на Олимпе живущие боги
В мыслях едины теперь; наконец, Гера всех убедила.
Боги ей вняли. И вот, уже носится гибель над Троей!
Помни же эти слова, и в душе сохраняй, и страшись ты
Вдруг позабыть их, когда сон оставит тебя благотворный».

35 Всё передав и внушив, Сон оставил Атреева сына.
Сердце тот думам предал, коим сбыться судьба не позволит.
Думал Атрид: в тот же день покорит он Приамову Трою.
Муж неразумный! Не знал он того, что задумал Кронион:
Снова решил испытать Зевс отвагой и болью, и смертью
40 В гибельных страшных боях стройной Трои сынов и данаев.
Духом воспрянул Атрид, вещий голос ещё разливался
В мыслях его. Он воссел и надел свой хитон мягкий, новый,
Дивнорасшитый; затем плащ набросил широкий богатый;
К белым ногам привязал он сандалии чудной работы,

45 А через плечи свой меч перекинул серебряногвоздный;
В руки же скипетр взял он не гибнущий, вечный, отцовский;
С ним он пошёл к кораблям гордых меднодоспешных данаев.

Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила,
Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая.
50 Утром Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех на совет собирать, к кораблям кудреглавых ахеян.
Вестники подняли клич, – и ахейцы все быстро собрались.
Прежде же он посадил во главе благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида,
55 Там Агамемнон совет и устроил собравшимся вместе:
«Други! Сегодня во сне, в тишине амброзической ночи,
Дивный мне образ пришёл благородного сына Нелея,
Видом и ростом, и всем был он Нестору чудно подобен!
Встал над моей головой и слова говорил мне такие:
60 – Спишь, Агамемнон Атрид, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во снах проводить подобает ли мужу совета,
Коему вверил Кронид столько войск, и забот, и решений!
Слушай, что я говорю! И вникай! Я – посланник Кронида.
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печётся;
65 Ныне ж тебе он велит в бой вести кудревласых данаев,
Все ополчения их; и тогда завоюешь троянский
Град многолюдный! Уже на Олимпе живущие боги
В мыслях едины теперь; наконец, Гера всех убедила.
Боги ей вняли. И вот, уже носится гибель над Троей!
70 Помни же эти слова, и в душе сохраняй... – И, сказав то,
Сон отлетел от меня, благотворный посланец Кронида.
Други! Помыслите, как ополчить нам кудрявых данаев?
Прежде я сам им скажу, как положено для испытанья:
И предложу им бежать на судах быстrolётных от Трои,
75 Вы же один одного отклоняйте от бегства советом».

Так произнёс он и сел. И тогда между ними поднялся
Нестор, почтенный мудрец, града Пилоса царь седовласый;

Он, благомысленный, так говорил на совете старейшин:
«Други! Стратеги, вожди и правители храбрых данаев!
80 Если бы нам этот сон возвещал кто другой от ахеян,
Ложью бы сон мы почли и с презрением верно б отвергли.
Но говорит нам о нём знаменитейший в рати ахейской!
Действуйте ж, други! Идём! Надо нам ополчить всех ахеян!»

Так произнёс он, и сам первый вышел из сонма старейшин.
85 Следом за ним поднялись, покоряясь владыке Атриду,
Все скиптроносцы вожди. И народ уже стал собираться:
Словно из горных пещер пчёлы вдруг вылетают роями,
Мчатся густые рои; рой за роем летит поминутно,
И словно грозди они над цветами весенними вьются,

90 Или то здесь, то вдали пролетают несчётною тучей.
Так аргивян племена, от своих кораблей, от палаток,
Быстро толпа за толпой потянулись без счета к собранью
Берегом моря. В толпе между ними, пылая, летала
Осса бодрящая слух, Зевса вестница, быстрая Осса.
95 Вот все собрались, шумят, и земля под народами стонет.
Девять глашатаев в раз загудели меж толп, голосами
Говор смиряя и шум, призывая послушать старейшин,
Слово дать мудрым царям, предводителям, Зевса питомцам.
И лишь народ на местах учреждённых уселся спокойно,
100 Как перед ними тут встал царь могущественный Агамемнон,
Царственный скипетр держа, олимпийца Гефеста творенье.
Скипетр тот мудрый Гефест даровал громовержцу Кронида;
Зевс же – Гермесу вручил, боговестнику, аргобуйице;
Тот же – Пелопсу отдал, лошадей укротителю быстрых;
105 Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Тот, умирая, вручил многостадному брату Фиесту,
Ну а Фиест, наконец, Агамемнону скипетр оставил,
Власть передав, острова и огромное Аргоса царство.
Царь же, на скипетр теперь опираясь, воскликнул ахейцам:
110 «Други, герои войны, слуги храбрые бога Ареса!
Зевс громовержец меня хочет, видно, толкнуть на погибель!
Прежде он мне обещал, и со знаменьем то предназначил,
Что возвращусь я домой разрушителем Трои великой.
Ныне же, может быть, злом чьим прельщённый, велит мне другое:
115 В Аргос бесславно бежать! Мне, сгубившему столько народа!
Так, без сомненья, ему, всемогущему Зевсу, угодно.
Многих уже городов сокрушил он высокие стены.
Верно, ещё сокрушит: беспредельно могущество Зевса!
Всё это так, но – какой нам позор! Нам и нашим потомкам!
120 Мы, столь великая рать, столь могучий народ, как данаи, –
Битвы, выходит, вели мы бесплодно, напрасно сражались
С меньшею ратью врагов! Что ж, не нам, видно, войны итожить.
Ведь даже если бы вдруг и ахейцы, и граждане Трои,
Клятвенный мир утвердив, захотели всех вместе исчислить;
125 И все собрались бы мы: и троянцы, и также – ахейцы;
И весь ахейский народ, разделили бы мы на десятки,
Чтобы на каждый из них виночерпца нам дали трояне, –
Многим десяткам у нас не достало б мужей виночерпцев!
Так-то, я вам говорю, превосходят ахейцы троянцев
130 Многим числом! Но у них против нас и друзей есть немало,
Тех копьеборных мужей, что вокруг в городах. Вот они-то,
Храбрые, мне не дают, отражая в боях, как ни жажду,
Город разрушить, и взять величавую пышную Трою.
Вот уж прошло девять лет круговратных великого Зевса.
135 Дерево на кораблях наших сгнило, канаты истлели.
Дома супруги нас ждут и любимые дети, с печалью
Сетуя Зевсу на то, что уж больно мы тут задержались.
Делу не видно конца, для которого шли к Илиону...

Други! Послушайте, что повелю я вам, – все повинуйтесь!
140 Нужно бежать! По домам! Возвратимся в отечество наше!
Нам Илиона не взять, не разрушить нам Трои великой!»

Так он сказал. И сердца взволновал Агамемнон словами.
Все в многолюдной толпе были тронуты царскою речью.
Разволновался народ, как огромные волны морские.
145 Будто бы вздули всю гладь Икарийского моря, ударив
С Зевсовых туч, Нот и Эвр оба вместе, два ветра сильнейших;
Или, Зефир, налетев, взволновал вдруг обширную ниву,
Яро бушует над ней и колосья к земле преклоняет.
Так и собрание вдруг взволновалось. И с криком ужасным
150 Бросились все к кораблям. Под ногами их пыль поднималась,
Облаком в воздухе став. Все кричат, убеждают друг друга
Быстро занять корабли и спустить на широкое море.
Рвы очищают уже, кораблей вырывают подпоры.
Крики летят до небес возвращения жаждущей рати.

155 Так бы, судьбе вопреки, и вернулись домой аргивяне.
Гера ж, об этом узнав, тут же вызвав Афины, сказала:
«Что ж это, сильная дочь громовержца великого Зевса!
Или обратно домой, в столь любезную землю отчизны
Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
160 Или на радость врагам, и на славу Приаму и Трое,
Бросят Елену они, дочь Аргивскую, ради которой
Столько мужей полегло возле Трои, вдали от отчизны?!
Мчись же стремительно ты прямо к войску кудрявых данаев!
Сладкою речью своей убеждай быстро каждого мужа
165 В море для бегства домой кораблей не тащить многовёслых».

Так ей велела она. И Афина, покорная Гере,
Бросилась с горных вершин белоснежных Олимпа, помчалась,
Быстро широких судов аргивян меднобронных достигла;
Там Одиссея нашла, что советами равен был Зевсу;
170 Тих и задумчив стоял возле чёрного судна; к оснастке
Не проявлял интерес только он: в нём печаль грызла сердце.
Тут же ему говорит светлоокая дочь Эгиоха:
«О, благородный герой, Одиссей Лаэртид многоумный!
Как? Вы с позором назад, в столь любезную землю отчизны
175 Вдруг побежите теперь в кораблях многоместных по морю?
Или на радость врагам, и на славу Приаму и Трое,
Бросите Аргоса дочь, за которую столько ахейя
Здесь перед Троей легло, далеко от родимой отчизны?!
Нет же! Немедля иди ты к ахейцам, решительно действуй;
180 Сладкою речью своей убеждай быстро каждого мужа
В море для бегства домой кораблей не тащить многовёслых!»

Так повелела. Узнал он гремящие речи богини.
Ринулся всё выполнять, второпях скинув плащ свой на землю.

Плащ его тут же поднял Эврибат, итакийский глашатай,
185 Следом спешивший за ним. Одиссей, Агамемнона встретив,
Взял у владыки из рук царский скипетр, отцовский и вечный;
С ним он пошёл к кораблям аргивян меднобронных, кудрявых;
Там, предводителям всем, знаменитым мужам, – кого встретит, –
К каждому он подходил и удерживал мудрую речью:
190 «Муж знаменитый! Тебе ль, словно робкому, страху поддаться?
Сядь, успокойся, и сам успокой ты других своим словом!
Ясно ты не осознал всех намерений царских и планов.
Он лишь испытывал вас! И виновных немедля накажет!
В толпах собрания не все верно поняли слово Атрида.
195 Если он гневен теперь, – поступить может жестко с народом.
Тягостен нам гнев царя, громовержца Крониды питомца;
Честь ему Зевс воздаёт, скиптроносцу, и любит безмерно».

Если ж кого Одиссей находил среди войска кричащим,
Скипетром бил, чтоб утих, и обуздывал грозною речью:
200 «Смолкни, несчастный, и сядь! И других лучше слушай советы,
Более умных, чем ты, невоинственный муж и бессильный!
Значимым ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах!
Всем не господствовать здесь, всем не царствовать нам, аргивянам!
Нет в многовластье добра! Лишь один пусть народами правит!
205 Царь у нас будет один! Тот, которому Зевс прозорливый
Скипетр дал и закон! Пусть же царствует он над другими».

Так он, господствуя, всех подчинял. И на площадь собраний
Бросился снова народ, от своих кораблей, от палаток,
С криком: так волны шумят никогда не смолкавшего моря,
210 Бьются о скалы, гремят, гулом моря простор оглашая.

Вот успокоились все, сели тихо в местах учреждённых.
Только один лишь Терсит празднословный всё каркал и каркал,
В мыслях имея одни непристойные, дерзкие речи,
Вечно хотел он царей оскорблять, презирая пристойность,
215 Всё позволяя себе, что казалось смешным для народа.
Вместе с даянами он, безобразный, пришёл к Илиону.
Был он хромой и косой; совершенно горбатые плечи
Сзади стояли горой, на груди ж его впалой – сходились;
И голова как яйцо – острым вверх, редким пухом покрыта.
220 Враг Одиссею он был, но сильнее ненавидел Пелида.
Их он всегда порицал. А теперь он напал на Атрида,
С криком его поносил, как умел. На него аргивяне
Гневаться стали уже, слышен был негодующих ропот.
Только Терсит всё сильнее порицал Агамемнона, буйный:
225 «Эй, Агамемнон, скажи, что ты сетуешь, чем недоволен?!
Не у тебя ли шатры переполнены медью искусной?
Может быть, мало тебе лучших пленниц прекрасных, которых
Первый себе ты берёшь, когда мы города разоряем?
Золота жаждешь ещё? Чтоб его кто-нибудь из троянских

230 Конников славных принёс для тебя, чтобы выкупить сына,
В плен приведённого мной, или кем-то другим из аргивян?
Хочешь ты новой жены, чтобы с ней наслаждаться любовью,
В пышном шатре одному? Нет, Атрид, недостойное дело,
Будучи нашим главой, в беды нас вовлекать постоянно!
235 Робкое племя! Слабы как ахейки мы, не ахейцы!
Лучше домой отплывём, а его мы оставим под Троей!
Пусть насыщается здесь он чужими наградами вволю!
Пусть он узнает: в боях кто опора ему и подмога?
Он Ахиллеса, – а тот несравненно храбрее Атрида, –
240 Как обесчестил, отняв его деву и властвуя ею!
Мало озлоблен Пелид, он в душе своей слишком беспечен,
Или, нанёс бы, Атрид, ты обиду последнюю в жизни!»

Так возмущался Терсит, оскорбляя владыку Атрида,
Буйный болтливый урод. Тут к нему Одиссей устремился.
245 Гневно взглянул на него и воскликнул он голосом грозным:
«Смолкни, безумный болтун! Хоть и громко орёшь да без толку!
Смолкни, Терсит, и не смей средь толпы скиптроносцев порочить!
Мужа презренней тебя, я клянусь, не найти средь ахейян,
Тех, что под Трою пришли биться вместе с сынами Атрея!
250 Лучше царей имена не склоняй ты в толпе понапрасну!
И порицать их не смей! И о бегстве помалкивай лучше!
Знает ли кто наперёд достоверно, чем окончится дело?
Счастливы мы или нет, возвратимся в родную отчизну?
Ты ж, безрассудный, сидишь и ругаешь вождя и владыку,
255 Что аргивяне ему слишком много дают из трофеев,
Сам же обиды царю произносишь прилюдно в собраньи!
Слово тебе я даю, и, поверь, оно скоро свершится:
Если ещё я тебя безрассудным таким же увижу,
Пусть уж моей головы на плечах моих крепких не будет,
260 Пусть уж от этого дня не зовусь я отцом Телемаха,
Если тебя не схвачу, не сорву я твоих одеяний,
Плащ с твоих плеч и хитон, и всё то, чем ты стыд прикрываешь,
И, со слезами тебя не пошлю к кораблям многоместным
Вон из собранья мужей, и позорно избитого мною!»

265 И в доказательство слов по хребту и плечам его стукнул
Скипетром он золотым, так, что вздулась багровая метка
Вдоль на горбатом хребте. Сел Терсит, задрожал весь от страха,
Сжался от боли, из глаз его брызнули крупные слёзы.
Гадкое сморщил лицо, горько слёзы свои утирая.
270 Хмуры все были, но тут все от сердца над ним рассмеялись.
Так говорили мужи, глядя дружно один на другого:
«Истинно, множество дел Одиссей совершает великих,
Что ни творит, всё – к добру: даст совет ли, готовит ли к бою.
Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
275 Буйного критика он обуздал и заставил заткнуться!
Больше уж тот наперёд не отважится с сердцем горячим

Зевсу любезных царей оскорблять непочтительным словом!»

Так говорила толпа. Тут встаёт Одиссей градоборец,
Скипетр держа; и при нём – светлоокая дева Паллада,
280 В образе вестника. Встав, повелела умолкнуть народам,
Чтобы и в ближних рядах, и в далёких данайские мужи
Слышали речи его и узнали всю мудрость совета.
Так Одиссей Лаэртид многоумный сказал перед войском:
«Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
285 Вечный позор перед всем на земле честным племенем смертных,
Выполнить слово своё не желают, хотя дали клятву, –
Ратью летя за тобой в этот край из цветущей Эллады, –
Клятву: вернуться назад, лишь разрушив великую Троию.
Ныне ж ахейцы слабы, словно дети, или словно вдовы,
290 Друг перед другом ревут, и желают домой возвратиться.
Тягостно дело войны, каждый в дом свой вернуться желает.
Путник, и месяц один находясь далеко от супруги,
Сетует, если корабль, снаряжённый обратно в дорогу,
Держат то выюги зимы, то мятежного моря волнения.
295 Мы вот уже девять лет круговратных воюем под Троей!
Нет, не могу упрекать, что ахейцы томятся и ропщут.
Но, если так, то тогда стыд-позор нам, ахейские мужи,
Медлить так долго в войне, и ни с чем по домам возвратиться!
Нет! Потерпите, друзья! Подождём же ещё, и узнаем,
300 Верить пророчеству нам, слову Кáлхаса, или не верить!
Твердо мы помним его! Вы – свидетели, – все аргивяне,
Коиx ещё не настиг смертный час, что несёт Парка Морта.
Помните, словно вчера, корабли наши стаяй слетались
В гавань Авлиды, неся гибель Трое и гибель Приаму.
305 Мы на святых алтарях совершали богам гекатомбы,
Стоя под явором там, под ветвистым, большим и прекрасным,
А из-под корня его, бил чистейший родник серебристый.
Чудо мы видели там: из подножья алтарного выполз
Пестрый кровавый дракон вида страшного, Зевс Олимпиец
310 Сам его вызвал на свет. Тот явился и взвился на явор.
Там, в вышине на ветвях под листвою в гнезде притаились
Восемь беспёрых птенцов воробьиных, девятая – мать их;
Пташек недавно родив, не могла от гнезда удалиться.
Их-то дракон и пожрал, восемь деток, тревожно кричащих.
315 С криками мать у гнезда всё летала, тоскуя о детях.
В воздух тут взвился дракон, и схватил за крыло воробьюху.
Но, лишь успел поглотить малых деток и птицу, как снова
Чудо свершает на нём Олимпиец, его нам явивший:
Каменным сделал его сильный сын хитроумного Крона.
320 Мы же, и слова сказать не могли, только молча стояли,
Страшному чуду дивясь, что явилось при жертвах священных.
Тут стал вещать нам пророк, мудрый Калхас, исполнившись духа:
– Что же умолкли вы все, кудреглавые дети Эллады?
Знаменьем этим сейчас нам грядущее Зевс поясняет:

325 Поздний конец, но какой! Его слава бессмертна в народах!
Сколько всего бедных птиц поглотил тот дракон кровожадный?
Восемь птенцов из гнезда, и девятая – мать-воробыха.
Столько, ахейцы, годов воевать нам под Троей великой,
Но на десятый – возьмём площадями богатую Трою. –
330 Так мудрый Калхас вещал! И пока всё идёт, как вещал он.
Приободритесь, друзья! И останемся здесь до победы,
Трои великой пока мы Приамовой не завоюем!»

Так говорил Одиссей. И ахейцы в радостных криках
Речь Одиссея хвалой вознесли до небес. И окрестность,
335 И корабли на их шум отозвались безудержным гулом.
Лишь всё утихло, как встал мудрый Нестор, сказал он ахейцам:
«Боги! В собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
Слабые, коим и мысль о военных делах незнакома.
Стоят чего-то мольбы, или клятвы священные наши?
340 Или в огонь всё пойдёт: наши думы, советы, заботы,
Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?
Мы только в праздных словах соревнуемся! Помощи ж делу
Мы до сих пор не нашли, долговременно здесь оставаясь.
Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
345 Властвуй, ахейских сынов ты веди на кровавые битвы!
Если ж из них кто-нибудь вдруг захочет вернуться обратно,
Здесь их оставь, всё равно не исполнятся помыслы робких!
Нет, в Аргос мы не пойдём, не вернёмся, пока не узнаем:
Верный ли дал нам обет Зевс Кронион, эгиды носитель.
350 Я же уверен: успех предвещал нам знаменьем Кронион
В тот ещё день, когда мы на суда быстролётные сели
Ратью ахейской, грозя и бедою, и смертью троянцам, –
Справа от нас он блистал, благовествуя рати ахейской!
Нет! Из ахейцев никто не подумает в дом возвратиться
355 Прежде, пока жены он троянской в постель не положит,
Не отомстит за печаль и за тайные слёзы Елены!
Если же кто-то из вас сильно жаждет домой возвратиться,
Пусть корабля своего многовёслого только коснётся:
Прежде других он найдёт, малодушный, и смерть, и погибель.
360 Царь, предлагай свой совет, но внемли и другому совету.
То, что тебе предложу, это мысль не презренная вовсе:
Воинов всех раздели ты на их племена и отряды;
Пусть же отряду отряд помогает, и племена – племя.
Если ты сделаешь так, по отрядам разделишь ахейцев,
365 Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей и отрядов
Робок в боях или смел: за себя они будут стараться.
Также узнаешь, по чьей злобной воле не рушишь ты Трои:
Воле богов или войск, что слабы и не знают, как биться».

Сыну Нелея на то отвечал гордый царь Агамемнон:
370 «Всех ты ахейских мужей побеждаешь, премудрый, советом!
Если бы, – о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада! –

Десять таких у меня из ахейян советников было,
Скоро бы пала тогда крепкостенная Троя Приама,
Силами наших бойцов обращённая в прах и руины!
375 Но громовержец Кронид мне лишь беды одни посылает;
В тщетную распря меня, во вражду злополучную вводит:
Я с Ахиллесом теперь во вражде из-за пленной девицы,
В споре мы с ним разошлись; я, на горе, стал сам раздражаться.
Если ж когда-нибудь вновь мы сойдёмся с Пелидом, уверен,
380 Гибели грозной тогда не избегнет великая Троя!..
Всем пообедать теперь! Ну а после начнём нападение.
Каждый пусть точит свой меч и копьё, также – щит подготовит;
Каждый пусть кормом коней подъярёмных обильно накормит;
И колесницы кругом осмотрите, готовясь к сраженью.
385 Нам предстоит целый день состязаться в ужасном убийстве;
Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет:
Пóтом зальётся ремень на груди, щит держа всеобъёмный;
Пóтом покроется конь под своей колесницей блестящей;
Также у многих бойцов и рука на копье изнеможет;
390 Разве что ночь, охладив ярость воинов, битву разнимет.
Если ж увижу кого, кто захочет вне битвы остаться,
Возле судов пребывать крутоносных, – нигде уже после
В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!»

Так он сказал. И в ответ воздух вздрогнул от криков ахейян,
395 Будто прибой зашумел, руша волны о берег высокий;
Словно порывами Нот прибывает их к скальным утёсам,
И не пускает назад, гонит с моря то справа, то слева.
Встав, разошёлся народ, меж судами рассеялся быстро.
Всюду костры разожгли, торопились обедать ахейцы.
400 Каждый из них своему богу жертву принёс, умоляя
В битвах от смерти спасти, от жестоких ударов Ареса.

Пастырь народов Атрид Агамемнон тельца-пятилетку
Тучного сам отобрал в жертву Зевсу Крониду, а после
Самых почтенных созвал он старейшин из рати ахейской:
405 Нестора первым позвал, также – критского Идоменея,
После – Аясов двоих и Тидеева славного сына,
И Одиссея за ним, что советами с Зевсом сравнимый.
Только Атрид Менелай добровольно пришел и незванный,
Брата любил он и знал, что в душе озабочен тот сильно.
410 Стали они вокруг тельца и ячмень освящённый подняли;
И Агамемнон Атрид, царь державный, в молитве воскликнул:
«Славный, великий Кронид, чернооблачный житель эфира!
Сделай же так, чтобы ночь не спустилась, и солнце не скрылось
Прежде, чем в прах все дворцы и палаты Приама я свергну
415 В чёрном дыму и огне, и ворот ни сожгу ненавистных;
Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
Медью пробив; и пока все друзья его тоже, трояне,
Ниц ни полягут вокруг в прах, зубами грызущие землю!»

Так он в молитве взывал. Но к мольбе его Зевс не склонился.
420 Жертву он принял, но труд беспредельный Атриду готовил.
Кончив молитву, они ячменём осыпали и солью
Жертву, ей шею загнув, закололи и тук обнажили,
Бёдра затем отсекли и обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом, и на них распростёрли все части сырые.
425 Жертву сжигали они на сухих и безлиственных ветках,
Только утробу, пронзив, над огнём аккуратно вращали.
Бёдра сожгли, а затем все вкусили утробы от жертвы,
Всё остальное дробят на куски, поддевают на вилы,
Жарят затем над огнём и, умело сготовив, снимают.
430 Так завершили обряд, и немедленно пир учредили.
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
Ну а когда и питьём, и едой утолили свой голод,
Нестор поднялся сказать слово мудрое, всадник геренский:
«Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!
435 Раз уж остались мы здесь, то ни времени тратить, ни медлить
Делом великим нельзя, тем, которое бог нам вверяет.
Пусть же глашатаи всех кличут меднодоспешных данаев,
Ты повели к кораблям им собраться нимало не медля!
Мы же, кто есть тут сейчас, по широкому стану ахеян
440 Сами пройдем, что б скорей нам начать эту страшную битву».

Так он сказал. И совет этот принял Атрид Агамемнон.
Он в тот же миг повелел провозвестникам звонкоголосым
Срочно на битву созвать кликом меднодоспешных данаев.
Вестники подняли клич, – и данаи спешили собраться.
445 Зевса питомцы, цари, те, что были с Атридом, поспешно
Бросились строить ряды. Тут в толпе появилась Паллада,
Крепко эгиду держа – щит нетленный, бесценный, бессмертный:
Сто на эгиде бахром золотых развевались, качаясь,
Дивно плетённые все, и цена в сто тельцов будет каждой.
450 С этим щитом проносясь по толпе меж героев, богиня
В бой возбуждала мужей, и у каждого твердость и силу
В сердце воздвигла, чтоб мог он без усталости снова сражаться.
В то же мгновенье война всем ахеянам сладостней стала,
Чем возвращенье домой, в кораблях на любимую землю.

455 Словно пылает огонь, пожирающий лес беспредельный,
Вспыхнув в горах высоко, ярким заревом светит далёко, —
Так, при движении войск, от их меди искусной и пышной
Блеск лучезарный кругом поднимался до самого неба.
Их племена, будто птиц перелётных несчётные стаи,
460 Диких гусей, лебедей и ещё журавлей длинношеих
В сытном Азийском лугу, при Каистре широкотекущем,
Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
Друг перед другом сидят на волнах, криком луг оглашают, —
Так аргивян племена, от своих кораблей и стоянок,

465 Ринулись с шумом на луг Скамандрийский; округа повсюду
Страшно стонала, гудя, под ногами коней и героев.
Встали ахейн сыны на цветущих долинах Скамандра,
Полчищ у них, что листвы на деревьях в лесах; что в долинах
Пышных цветов по весне; или мух рой густой и бессчётный
470 В сельской собрался избе пастуха, и по ней всё кружится;
Или же, как молоко изобильно струится в сосуды, —
Так и бескрайний поток войск данайских пролился на поле
Против троян; истребить их желал каждый, рвущийся в битву.

Так же, как коз пастухи отличают своих в необъятных
475 Общих бродячих стадах и находят всегда в общей массе, —
Так предводители войск каждый строил своих подчинённых
К бою готовя. Среди войск возвышался герой Агамемнон.
Он головой был похож, и глазами – на Зевса Кронида,
Станом – великий Арес, грудью – Энносигею подобен.
480 Словно как бык, что стоит среди стада от всех отличимый,
Гордый телец, меж коров возвышается он превосходный:
В день этот сделал таким Агамемнона Зевс Олимпиец,
Так отличил он его и возвысил среди сонма героев.

Музы! Откройте теперь, вы, живущие в высях Олимпа,
485 Вы – божества, вы – везде, и вы знаете всё в поднебесной.
Мы ж только слышим одну лишь молву, ничего мы не знаем.
Ну, так поведайте мне, кто вожди и владыки данаев!
Всех же бойцов рядовых не смогу ни назвать, ни исчислить,
Если б и десять имел языков я и десять гортаней,
490 Если б и голос имел неслабеющий, грудь как из меди.
Разве могли бы и вы, Музы вечные, дочери Зевса,
Всех мне напомнить бойцов, что пришли под великую Трою?
Нет! Лишь вождей назову корабельных и все корабли их.

Рать беотийских мужей предводили на бой полководцы:
495 Лэит и Аркесила́й, Пенелéй, Профоéнор и Клóний.
Сводная рать от племён, что живут в каменистой Авлиде,
В Гирии, в Схене, ещё также в Сколе живут, в Этеоне;
Тех, что у Гармы живут, у Илезия и у Эритры;
Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;
500 Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших,
Также Ока́лею и Медеóн, что устроен красиво,
Копы, Эвтрéз, и ещё голубями любимую Фисбу,
Град Коронéю, и град Галиа́рт на лугах многотравных;
Живших в Платéе, ещё в Глиссе тучные нивы пахавших;
505 Всех, населяющих град Гипофíвы, прекрасный устройством,
Славный Онхéст, и алтарь Посейдо́на, заветную рощу;
Аρν виноградный, ещё населяющих Ниссу, Мидéю;
И, наконец, весь народ Анфедóн населявший предельный.
С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом сидело
510 Юных бебтян лихих по сто двадцать, воинственных, смелых.

Кто населял Аспледон и Миниеев город Орхóмен,
Тех Аскалáf предводил и Иялмен, Аресовы дети;
В доме отца родила Астибха их, в Актора доме,
Дева невинная: к ней заглянул как-то в терем высокий
515 Мощный Арес и тайком переспал с ней, с невинною девою.
С братьями тридцать судов прилетели, как лебеди, стаей.

Следом фокейцев вели Схедий вместе с Эпистрофом, братом;
Дети Ифита царя, и потомки Навбола героя.
Их племена Кипарисс населяли и Пифос утёсный,
520 Криссы веселой простор, город Давлис, ещё Панопею;
Возле Гиампола и Анемории злаковой жили;
Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод обитали;
Жили в Лилее они, при течении шумном Кефисском.
Сорок они привели кораблей своих чёрных и быстрых.
525 Строили оба вождя ополченья отрядов фокейских
Возле бебтян лихих. Так на левом крыле ополчились.

Локров народ за собой вёл Аякс Оилид быстроногий,
Сын Оилея, он был не могуч, как Аякс Теламонид,
Меньше namного его; ростом мал, и в броне полотняной,
530 Но копьемётцем он был среди эллинов всех и данаев
Лучшим. Он вёл племена, населявшие Кинос и Опунт,
Вессу, Каллиар, и Скарф, и долины весёлой Авгеи,
Тарфы и Фроний ещё, где Воагрий течёт быстроводный.
Сорок привёл кораблей вороных за собой к Илиону
535 С воинством локров, мужей, за священной Эвбеей живущих.

Что до эвбейских мужей, боем дышащих, смелых абантов,
Из Гистиеи вином преобильной, и из Эретрии,
Живших в Халкиде мужей, и в Коринфе удобном приморском,
Также – в Каристе, ещё в Стире, в Диуме, граде высоком;
540 Вывел их Элефенбр, строя к бою, Аресова отрасль,
Сын Халкодонта и вождь стойких духом и дерзких абантов,
Волосы бривших свои, оставляя их лишь на затылке;
Воинов, жаждущих в бой, чтоб ударами ясневых копий
Медь на доспехах врагов разбивать на груди в рукопашном.
545 Сорок привёл кораблей вороных за собой к Илиону.

Что до афинских мужей, населявших град дивный Афины,
Где Эрехтёя царя была вотчина в древнее время,
Как породила его мать-земля, воспитала Афина,
Также – в свой город ввела, и в блестящий свой храм водворила,
550 Где и поныне несут ей телят и ягнят, ублажая,
Дети Афин, если год был удачным и кончился славно, —
Их предводил Петеид Менесфёй, в ратоборстве искусный.
От земнородных мужей с ним никто не равнялся в искусстве
Строить на битвы мужей щитоносцев, и конников быстрых.

555 Разве что Нестор один мог оспорить с ним первенство это.
Он пятьдесят кораблей чёрных, с войском, привёл к Илиону.

Чёрных двенадцать судов саламинских Аякс Теламонид
К Трое привёл. С войском встал он, где были фаланги афинян.

В Аргосе живших мужей; населявших Тиринф крепкостенный,
560 Также – Азину, а с ним Гермину, два града приморских,
Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,
Город Масету, а с ним и Эгину. Всех юношей храбрых
Тех предводил Диомед, знаменитый воитель, и также
С ним благородный Сфенел, Капанея великого отпрыск.
565 С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
Храбрый Мекестия сын, и потомок царя Талайона.
Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель.
Восемьдесят кораблей чёрных с ними пришли к Илиону.

Тех, что в Микенах живут, в превосходно устроенном граде,
570 Тех, что в Коринфе живут богатышем, и в пышных Клеонах,
В Орнии граде; и тех, кто в веселой жил Арефирее;
Град Сикион населял, где когда-то Адраст был на царстве;
Всех Гипересии чад, Гоноессы высокоутёсной;
Живших в Пеллене; вокруг Эгиона мужей обитавших,
575 Вдоль по поморью всему, возле Гелики живших обширной, —
Всех их на ста кораблях предводил властелин Агамемнон.
Рать больше всех остальных, да и воины лучше всех прочих,
Те, что пришли с ним. Он сам облачён был сияющей медью,
Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
580 Саном верховным своим и числом предводимых народов.

Город огромный меж гор, Лакедемон, мужей населявших,
Фару и Спарту, ещё голубями любимую Мессу;
В Брисии живших мужей и в весёлых долинах Авгии,
Живших в Амиклы стенах, также в Гелосе живших приморском;
585 Град населявших Лаас и в округе Этила живущих, —
Их Агамемнона брат предводил, Менелай знаменитый.
Вёл шестьдесят кораблей. Он отдельно на бой ополчался;
Ратников сам предводил; на душевную доблесть надеясь,
Сам их на бой побуждал. Жаждал он, как никто из ахейн,
590 Мести жестокой за стон и печаль увезённой Елены.

Птёлеос кто населял, Эпи славные зданьями, Пйлос;
Кто у Алфейского жил брода, также – в Арене весёлой;
Град Кипариссию, град Амфигению, Гелос и Фрийос
Кто населял, Дорион, славный город, где некогда Музы,
595 Встретив Фамира певца, что из Фракии, песнями славный,
Дара лишили его. От Эврита, царя эхалиян
Шёл он; похвастал, гордясь, будто в песнях одержит победу
Даже у Муз, если те запоют при нём, дочери Зевса.

Гневные Музы его ослепили, и сладкий отняли
600 К песням божественный дар и искусство играть на кифаре.
Всех их привёл славный царь мудрый Нестор, наездник геренский:
С ним девяносто судов вместе прибыли строем красивым.

Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою высокой,
Там, где Эпита царя холм могильный, – то всё пехотинцы;
605 В Феносе живший народ, в Орхомене, стадами богатом;
В Стратии живших, ещё живших Рипе и в бурной Эниспе,
В стенах Тегей кто жил, в стороне Мантинеи весёлой;
В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы пахавших, —
Вёл их царь Агапенор, сын Анкея, убитого вепрем;
610 Гнал шестьдесят кораблей, и на каждом из них находилось
Много аркадских мужей, – все искусны в боях рукопашных.
Им корабли, хорошо оснащённые, сам Агамемнон
Дал, чтобы к Трое прибыть по великому чёрному морю:
Сами они о делах мореходных заботились мало.

615 Вслед вупрасийцы текли и народы священной Элиды,
Жители тех областей, что вмещают Мирзин приграничный,
Холм Алезийский, утёс Оленийский и также Гирмину.
Их же четыре вождя предводили; по десять за каждым
Быстрых неслось кораблей, с многочисленной ратью эпеев.
620 Первые два: Амфимах сын Ктеата, и Фалпий воитель,
Отрасль Эврига, что был брат Ктеату, они – Акториды;
Третий же вывел войска храбрый воин Диор Амаринкид;
Ну а четвертым был вождь Поликсен, небожителю равный,
Сын Агасфена царя, также Авгия внук знаменитый.

625 Рать из Дулихия, рать с островов Эхинадских священных,
Тех, что за морем лежат, против берега славной Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Аресу подобный,
Он – сын любимца богов конеборца Филея, который,
Прячась от гнева отца, скрылся в край Дулихийский когда-то.
630 Сорок привёл кораблей чёрных Мегес с дружиной под Троею.

Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных духом,
Живших в Итаке мужей и при трепетнолистном Нерите;
И Крокилей детей, и пахавших поля Эгилипы
Скально-суровой; мужей, населявших Закиф, также – Самос;
635 Живших в Эпире мужей, и на берегу против лежащем.
Их предводил Одиссей, что советами равен был Зевсу;
К Трое двенадцать привёл Одиссей кораблей красноносых.

Рать этолийских племён предводил царь Фоас Андремонид,
Всех, что в Пилёне живут, также – в Олене, также – в Плевроне,
640 Что в Калидоне живут каменистом, в Халкиде приморской.
Не было больше в живых браноносных Инёя потомков,
Умер и сам он давно, мертв и сын Мелеагр светлокудрый;

И в Этолии на трон был посажен Фоас Андремонид.
Сорок за ним кораблей чёрных вместе с дружиной примчались.

645 Критян же Идомений предводил, славный копьеметатель:
В Кноссе живущих мужей, в укреплённой стенами Гортине,
Ликт населявших, Милёт, также – град белокаменный Ликаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
Также – в других городах многолюдных стоградного Крита.
650 С Идомением пришёл Мерион, Эниалию равный,
Мощному богу войны и губителю воинов смертных.
Восемьдесят кораблей чёрных с ними пришли к Илиону.

Вместе с собой Тлеподем Гераклид, – и большой, и могучий, –
Родосцев гордых привёл в девяти кораблях чернобоких,
655 В Родосе жили они, разделённые на три колена,
Линд, Иялис и Камир белокаменный все населяли.
Их предводителем был Тлеподем, копьеборец известный,
Он – сын Геракла, рождён для него молодой Астиохой,
Взятой Гераклом у вод Селлейса, в Эфире, когда он
660 Многие там города Зевса юных питомцев разрушил.
Вырос едва Тлиподем в благосозданном доме Геракла,
Как, безрассудный, убил он почтенного дядю отцова,
Старца седого уже, Ликимния из рода Ареса.
Быстро тогда он суда снарядил, и с огромною ратью
665 Скрылся из отчей земли, убегая морями от мести
Всех остальных сыновей и потомков Гераклова рода.
Множество бед претерпев, в Родос прибыл в итоге, скиталец.
Там поселились тремя племенами пришельцы и жили,
Зевсом любимы, царём, что царит над людьми и богами.
670 С неба на них он пролил, Олимпиец, богатства без счета.

Прибыл из Сима Нирей вслед за ними с тремя кораблями.
Юный Нирей был рождён от Харопа царя и Аглаи.
Этот Нирей, что пришёл к Илиону с сынами данаев,
Был несказанно красив, краше всех, уступал лишь Пелиду.
675 Только не мужествен был, и дружину он малую вывел.

Живших в Низире мужей, населяющих Казос и Крапаф,
Град Эврипилов Коос, и народ островов Калиднийских
Два предводили вождя, то – Фидипп и Антиф градоборец,
Оба – Фессала сыны, что рождён от героя Геракла.
680 Тридцать за ними судов вместе прибыли строем красивым.

Ну, а теперь – о мужах в пеласгическом Аргосе живших,
Алос, Трахины, Албп населявших, холмистую Фтию,
Также – Элладу, что жён красотою прославлена в мире.
Всех их: ахейан сынов, мирмидонцев и эллинов тоже,
685 Всех – пятьдесят кораблей предводил Ахиллес знаменитый.
Но ополчение их и не думало в битве сражаться.

Некому было вести в бой отряды воинственным строем.
В стане, при чёрных судах возлежал Ахиллес быстроногий.
Он за Брисееву дочь, за прекрасноволосую деву
690 Гневом пылал. Он её после битвы пленил из Лирнесса,
Сам же Лирнесс – разгромил, как и стены высокие в Фивах,
Там и Эвэна сынов, Эпистрофа и Мίνеса сверг он,
Внуков Селёпа царя, копьеборцев жестоких в сраженьях.
Грустен теперь возлежал. Но воспрянет он скоро, могучий.

695 Живших в Фила́ке мужей, также в Пи́расе живших цветущем,
И в Итонее, – в краю овцеводства, любимом Деметрой;
Травами тучный Птелей, и Антрон населявших приморский, —
Их ополчения вёл к Трое Протесила́й браноносный.
Только погиб он давно, его мрачная держит могила.
700 В милой Фила́ке жену он оставил в слезах и рыданиях,
И недостроенный дом. Среди всех аргивян самым первым
Он с корабля соскочил, смело, прямо на вражеский берег.
Первым же был и убит среди всех, поражённый дарданцем.
Выбран был новый вожак, но по старому сильно скорбели.
705 В бой их теперь предводил вождь Подаркес, Аресова отрасль,
Сын обладателя стад без числа Филакида Ификла,
Протесилая родной младший брат. Брат его был бесстрашен,
Старший, силен и любим своим войском, о нём сокрушались.
Рать не нуждалась в вожде, но при новом – о старом вздыхала.
710 Он их под Трою привёл в сорока кораблях чернобоких.

В Ферах живущих мужей; Ияолк населявших прекрасный,
Биб и Глафиры; мужей при Бебеидском озере светлом, —
Всех их Эвмел предводил, сын Адмета любимый, рождённый
Дивной Алкестой; она краше всех среди Пелия дочек.
715 Быстрых одиннадцать вёл кораблей вождь Эвмел к Илиону.

Тех, что в Мефоне живут, у Тавмакии сеют и пашут,
И Мелибеи мужей, и суровых полей Олизона, —
Их племена Филоктет, превосходный стрелок, вывел в море
Всех на семи кораблях; пятьдесят находилось на каждом
720 Сильных гребцов, все они очень метко стреляли из луков.
Только лежал Филоктет, тяжкой мукой томим, на священном
Острове Лемносе, где был оставлен сынами ахейн,
Так как уж очень страдал, от укуса змеи ядовитой.
Скоро ахейн мужи при своих кораблях чернобоких
725 Вспомнили вновь о царе, предводителе их, Филоктете.
Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.
Медон вёл войско теперь, сын побочный царя Оилея,
Рена ему родила молодая, царю градоборцу.

Триккой владевший народ, и Ифомой высокоутёсной,
730 И Эхалию мужи населявшие, город Эври́та, —
Два воеводы вели: Подали́р с Маха́бном, и оба

Славные в войске врачи и Асклепия мудрые дети.
Тридцать за ними судов вместе прибыли строем красивым.

Тех, кто в Ормении жил, также возле ключа Гипереи,
735 Живших в Астерии, и возле белых утёсов Титана, —
Вёл за собой Эврипил, сын отважный царя Эвемона;
Сорок за ним кораблей чёрных вместе с дружиной примчались.

Живших в Аргиссе мужей и кругом населявших Гиртону,
Орфу, широкий Элон, белокаменный град Олобссон, —
740 Их предводил Полипет, он был воином в битвах бесстрашным,
Сын Пирифоя царя, что рождён от бессмертного Зевса.
Сын Пирифоем царём был зачат с Гипподамией славной,
В тот самый день, как герой покарал волосатых чудовищ,
И с Пелибна прогнал он кентавров, их гнал до эфиков.
745 Он не один был вождём, с ним ещё Леонтей был, воитель,
Отрасль Ареса, он был сын Кеней, а тот – сын Корона.
Сорок за ними судов чёрных вместе с дружиной примчались.

И двадцать два корабля за собою Гуней вёл из Кифа.
Он эниан предводил и воинственных, сильных перребов,
750 Племя мужей, что живут возле хмурой холодной Додоны,
Пашут они, где текут Титаресия шумные воды,
В сильный впадая Пеней; но, вливая в него свои воды,
Их не мешает река с серебристым потоком Пеней,
Поверху, словно елей, над потоком струится могучим;
755 А вытекает из вод заклинаний, – ужасного Стикса.

Царь Профобой был вождём у магнэтов, он – сын Тендредбна.
Жили они у горы Пелибна, шумящего лесом,
Возле Пеней-реки. Профобой вёл теперь их в сражение.
Сорок за ним кораблей чёрных вместе с дружиной примчались.

760 Вот все вожди и цари войска меднодоспешных данаев.
Кто же особо среди них знаменит был, пришедших с Атридом?
Кто мог гордиться собой, иль конями, поведай мне, Муза.
Отрасль Ферета Эмвел – превосходных коней обладатель.
Две кобылицы его, как пернатые, быстро летели,
765 Масти одной, лет одних, и по росту равны, как по мерке.
Сам Аполлон воспитал на зелёных лугах пиерийских
Этих кобылок. В бою, как Арес, они страх наводили.
А среди мужей был Аякс Теламонид сильнее всех, покуда
Гнев Ахиллеса держал. Но Пелид был сильнее Аякса.
770 Также и кони его были лучшими в страшных сраженьях.
Только бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев свой питал на владыку народов Атрида.
Праздно дружины его забавлялись у берега моря
Тем, что по целям пустым стрелы, копья да диски метали;
775 Или, без дела томясь, по вождю удалому сучая,

Праздные, с края на край по широкому стану бродили.
Лошади их у своих колесниц оставались, жирели,
Сочные травы болот и лугов приболотных щипая.
Сбруи же все с колесниц аккуратно укрыты лежали.

780 Двинулась грозная рать, как огнём вся земля запылала;
Стонет она и дрожит, как под гневом метателя молний
Зевса, когда он сечёт над Тифоном перунами землю,
Горы в Аримах, где есть, по преданию, ложе Тифона.
Стонет, трясётся земля под ногами ахейского войска,
785 Что устремилось к врагу, грозной тучей летя по долине.

В это же время стремглав к Трое вестница Зевса, Ирида,
С грозною вестью неслась, быстрым радужным вихрям подобна.
Там, во дворце у царя, перед входом, на площади шумной
Плотно столпился народ, стар и млад: там кипело собрание.
790 Встав посредине толпы, говорила народу Ирида,
Голос Полита приняв, Трои царского сына, что в поле
В тайном дозоре сидел, полагаясь на быстрые ноги.
Он на могильном холме Эзиэта, троянского старца,
Сверху смотрел на врагов и увидел, как те устремились.
795 Облик и голос его переняв, говорила Ирида:
«Старец почтенный! Отец! Ты и ныне обильные речи
Любишь, как в мирные дни! Но не время: враги на подходе!
Часто я, часто бывал на сражениях между народов,
Но никогда не видал я таких многочисленных ратей!
800 Счёта им нет, как листве на деревьях, песчинкам прибрежным!
Мчатся долиною к нам, чтоб сразиться под стенами Трои.
Гектор, тебе – мой совет, и его ты уж лучше исполни:
Много союзников есть наших в дивной столице Приама,
Разных они языков, из племён многочисленных разных.
805 Каждый их вождь пусть возьмёт свой народ и, возглавив дружину,
Строем на бой поведёт соплеменников в помощь троянцам».

Так прорекла; и слова Гектор сразу постиг от бессмертных:
Вмиг он собрание закрыл. За оружие взялись троянцы.
Настежь врата все раскрыв, вытекали отряды из Трои,
810 Конные, пешие. Шум несказанный поднялся повсюду.

Есть перед Троей курган, что стоит на равнине, огромный,
Круглый с любой стороны. Люди с древних времён называют
Этот высокий курган Ватиеей. Бессмертные ж боги
Щедрой могилой зовут браненосной и быстрой Мирины.
815 Там разделились войска и троян и союзников Трои.

Храбрых троян предводил шлемоблещущий Гектор великий,
Старца Приама царя славный сын. И огромное войско,
Мужество духа явив, рвалось в бой, ошестиня лес копий.

Следом дарданцев войска вёл Эней Анхизид знаменитый,
820 Мощный герой. Родила Афродита его от Анхиза;
В рощах на Идских холмах ночевала богиня со смертным.
Вёл он войска не один, но при нём Архелох с Акамантом:
В разных искусны в боях, сыновья Антенора, герои.

В Зелии живших мужей, возле Иды высокой, холмистой,
825 Граждан богатых, что пьют воды чёрные в волнах Эсепа,
Племя троянское, – их вёл блистательный сын Ликабна,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.

Всех Адрастэи мужей, Питиэи и края Апéса,
Также мужей, что живут на высокой горе, на Терее, –
830 Адраст и Амфий, в броне полотняной, вели их, два брата;
Мéропа оба сыны, перкотийца, который славнейший
Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволения
В Троию идти на войну; но его не послушали дети,
Мудрого старца: и рок увлекал их на чёрную гибель.

835 Живших в Перкóте мужей и кругом Практиóн населявших,
Абидос город, Сестóс, также граждан священной Арисбы, –
Их предводителем был властный Асий Гиртакид, который
Дивных имел лошадей – как огонь, и огромных, на них он
В Троию примчался от вод Селлеэнта, из дальней Ари́сбы.

840 Гиппофоой предводил племена копьеборных пеласгов,
Тех, что по тучным полям обитали, в Ларисе бугристой, –
Он не один вёл войска, с ним вёл Пíлей, Аресова отрасль,
Оба же – Лефа сыны пеласгийского, сына Тевтала.

Пíрос воинственный и Акама́с предводили фракиян,
845 Тех, страны чьи Геллеспонт омывает стремительно-бурный.

Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных киконов,
Зевсом любимого сын браноносца Трезена Кеада.

Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов, далёко
Живших, там, где Амидон, где течёт мирно Акий широкий,
850 Землю священную он поит вдоволь чистойшей водою.

Вёл пафлагонцев на бой Пилемён знатный, храброе сердце, –
Всех: населявших Генёт, где стада диких мулов гуляют;
Племя народов Китóр и Сеса́м населявших, что жили
В славных домах, где поток полноводный Парфёния катит;
855 Тех, что на скалах живут Эрифíн, в Эгиале, и – в Крómне.

Рать гализонов вели Одий и Эпистроф из Алибы,
Дальней страны серебра, что торгует им неисчислимо.

Мизов вели Хрѳмий и предвещатель по птицам Эннѳмос,
Но предвестить свою смерть он не смог, и от чѳрной не спасся:
860 Пал от могучей руки Ахиллеса Пелеева сына,
В бурной реке, где троян и союзников их истреблял тот.

Фѳркис с Аскáнием, – два храбрых брата, сражения жажда,
Рати фригиян вели за собой из Аскáнии дальней.

Месфл и Антиф следом шли, воеводы мужей меонийских,
865 И Пилемѳна сыны, и Гигѳйского озера дети;
Войско меонов вели, у высокого Тмола рождѳнных.

Нáстес привѳл за собой говорящих по-варварски каров,
Те занимали Милѳт, также – Фтиров, лесистую гору,
Также – Меáндра поток и Мика́ла вершины крутые.
870 Настес их вѳл не один, Амфимáх помогал ему в этом,
Оба они сыновья Номиѳна, правителя каров.
Даже и в битвы ходил Амфимах, украшаясь, как дева,
Золотом. Только оно не спасло от гибели грозной:
Пал от могучей руки Ахиллеса Пелеева сына,
875 В бурной реке, и Пелид его золото взял, как добычу.

Рать ликиян, что живут в отдалѳнной Ликии при Ксанфе
Глубоководном, вели Сарпедѳн вместе с Главком храбрѳйшим.

Песнь третья. Клятвы. Смотр со стены. Единоборство Александра и Менелая

Только на битву сошлись и построились армии обе,
С шумом и криком вперёд устремились троянцы, как птицы:
С криком таким журавли пролетают под небом высоким,
Если они избежат зимних бурь и дождей бесконечных,
5 Стаями с криком летят через быстрый поток Океана,
С бранью, убийством грозя малорослым людишкам, пигмеям,
С яростью страшной на них нападавая с высот богоравных...

В полном безмолвии шли, на врага аргивяне, и в злобе
Духом единым горя: друг за друга стоять в смертной битве.
10 Так же, как Нот на горе по вершинам туман разливает,
Что пастухам ни к чему, только вору – приятнее ночи:
Видеть в нём дальше нельзя, чем под ноги уроненный камень;
Так под ногами дружин пыль густая столпом поднималась,
Вслед за идущими шла. Быстро рати сближались равниной.

15 Лишь оба войска сошлись для сражения друг перед другом,
Вышел вперёд от троян Александр, что подобен был богу.
Встал. Шкура льва на плече, лук кривой и колчан за плечами,
Меч на бедре, а в руках два копья потрясал медноострых.
Гордо стоял и взывал он к данаям: пусть самый храбрейший,
20 Выйдет, и против него в поединке жестоком сразится.
Но, лишь увидеть успел Менелай Александра-Париса,
Как тот вперёд из толпы выходил своей поступью гордой, –
Радостью вспыхнул, как лев, на добычу неожиданно набредший,
Встретив оленя в лесу, или в поле пустынную серну;
25 Жадный от голода, он пожирает добычу, хоть всюду
Сам в этот миг окружён и ловцами, и быстрыми псами.
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра увидев,
Сына Приама царя. К обольстителю местью пылая,
Он с колесницы своей быстро спрыгнул и ринулся в драку.

30 Но лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Как тот доспехом блеснул меж передних рядов, – сердце сжалось,
Быстро он к рати своей отступил, чтобы смерти избегнуть.
Словно как странник в пути, встретив в горном ущелье дракона,
В ужасе тут же назад отступает, трепещет всем телом,
35 И устремляется прочь с побледневшим лицом от испуга.
Так же Парис-Александр скрылся в строе троян горделивых,
С красным лицом от стыда, испугавшись Атреева сына.

Видя то, Гектор корить стал его горькой речью своею:
«Видом лишь храбр ты, Парис! Женолюбец несчастный! Прельститель!»
40 Зря ты родился на свет! Или лучше б погиб до женитьбы!

Было бы легче и мне, и тебе самому, уж поверь мне,
Чем так позорить свой род, и дружину свою, и народ свой!
Слышишь язвительный смех кудреглавых данаев над нами?!
Видя твою красоту, они думали: храбр и силен ты!
45 Но только вид твой хорош! Нет в душе ни отваги, ни силы!
Я одного не пойму: как ты смог в кораблях мореходных
Бурное море проплыть, и с толпою клеветов любезных,
В племя чужое войти и похитить из стран отдалённых
Славу их жён, и сестру и невестку мужей браноносных?
50 Этим беду ты принёс и отцу своему, и народу,
В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношение!
Что же с оружием в руках ты не встретил царя Менелая?
Силу узнал бы того, чьей женой ты владеешь цветущей!
Не помогли бы тебе ни кифара, ни дар Афродиты.
55 Вся бы твоя красота с придорожною пылью смешалась!
Робок троянский народ, а иначе давно б уже был ты
Каменной ризой одет поделом, бед великих виновник!»

Гектору быстро тогда отвечал Александр боговидный:
«Гектор, ты прав, и бранишь ты меня справедливо и верно.
60 Сердце твоё, как топор, что всегда непреклонен и крепок
Входит, как в масло, в бревно под рукой корабела, умножив
Силу в руке, если тот вырубает им брус корабельный.
Так и в груди у тебя сердце твёрдо, а дух – непреклонен!
Всё ж ты любезных даров не порочь золотой Афродиты.
65 Нет среди светлых даров от бессмертных – даров непочтенных;
Боги их сами дают: без заслуги никто не получит.
Если ты хочешь, чтоб я воевал и сражался, – согласен!
Только ты всех успокой. Пусть и Трои сыны и ахейцы
Смотрят, а в центре поставь ты меня с Менелаем героем.
70 С ним перед вами сойдуся за Елену Аргивскую в схватке.
Кто из двоих победит, кто окажется в битве сильнейшим,
Тот пусть Елену берёт, и сокровища, взятые с нею.
Мир все тогда заключат, дружбу клятвой пусть скрепят. Ахейцы
В Аргос, где много коней, пусть обратно плывут, и в Ахайю,
75 Славную жён красотой. Вы же – Троей владейте холмистой».

Так он сказал. И его с восхищением выслушал Гектор.
Вышел вперёд, взял копье посредине и сдвинул фаланги
Гордых троян. Отступив, успокоившись, встали трояне.
Только ахейцы сыны натянули на Гектора луки,
80 Копья наметили и даже многие камни метнули.
К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамемнон:
«Стойте, аргивцы, друзья! Не стреляйте, ахейские мужи!
Слово намерен сказать шлемоблещущий Гектор великий».

Так он сказал. В тот же миг прекратили ахейцы атаку,
85 Смолкли. И, встав между войск, говорил шлемоблещущий Гектор:
«Слушайте, Трои сыны и ахейцы в красивых поножах,

Что предлагает Парис, злой вражды между нами виновник.
Он предлагает всем нам: и троянам и также ахейцам
Вооруженье своё положить на всеплодную землю;
90 Он с Менелаем тогда посреди наших войск вступит в битву,
Честно, один на один, за Елену герои сразятся.
Кто из двоих победит, кто окажется в битве сильнейшим,
Тот пусть Елену берёт, и сокровища, взятые с нею.
Мир мы тогда заключим, дружбу скрепим священной клятвой».

95 Так он сказал. Все кругом сохраняли молчанье ахейцы;
Вышел вперёд Менелай, знаменитый воитель, сказал он:
«Слушайте все! У меня сердце гложет жестокая горесть;
Я помышляю давно: что пора примириться ахейцам
С Трои сынами. Пора! Уж довольно вы бед претерпели
100 Ради вражды между мной и Парисом, виновником брани.
Кто между нами двумя обречён на погибель судьбою,
Тот пусть погибнет! А вы, о, друзья, примиритесь немедля.
Пусть же сейчас принесут агнца белого с черной овечкой, –
Солнцу то дар, и земле. Мы ж для Зевса – другой дар воскурим.
105 Пусть и владыка Приам, к нам придёт! Сам пусть клятву положит,
Дабы преступник какой этих Зевсовых клятв не нарушил.
Ибо сыны у него вероломны, и веры к ним нету;
Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно.
Старец же, он прозорлив, пусть меж ними он встанет и честно
110 Пользу тех и других соблюдает, так – лучше для дела».

Так он сказал. И сердца двух народов наполнила радость,
Вера пришла, что войну эту долгую кончат теперь же.
Ставят в ряды лошадей, с колесниц своих вмиг соскочили,
Сняли доспехи; кладут их на землю, и те и другие.
115 Так между воинств одна полоса небольшая осталась.

Гектор немедленно двух посылает глашатаев в Трою:
Пару ягнят принести и Приама призвать на равнину.
Царь Агамемнон равно и Талфибию дал повеленье:
В лагерь ахейский идти и ягнёнка для жертвы доставить.
120 Тот поспешил исполнять, повинуюсь Атриду владыке.

С вестью Ирида меж тем к белоплечей Елене явилась.
Вестница, образ приняв Лаодики, золовки Елены,
Ею любезной, царя Антенорида Геликаона
Юной жены, что среди дочерей всех Приамовых – краше,
125 В комнату тихо вошла, где Елена ткань дивную ткала, –
Светлый, двускладный покров, и на нём выходили сраженья,
Подвиги конных троян, также – меднодоспешных данаев,
Подвиги, где за неё от Ареса они пострадали.
К ней подступив, говорит быстроногая вестница Геры:
130 «Нимфа любезная, ты выйди: дело чудное увидишь
Всадников храбрых троян, также – меднодоспешных данаев!

Только что в поле сошлись, подстрекаемы бурным Аресом,
Оба народа, стремясь к жаркой битве, сраженьем пылая;
Вдруг все затихли, стоят, прекратилось сражение, не вспыхнув;
135 Все оперли́сь на щиты, в землю длинные копья воткнули.
Только герой Александр и Атрид Менелай браноносный
Выйти желают одни, за тебя чтоб сразиться на копьях,
И победитель тогда наречёт тебя милой супругой».

Так изрекла и влила в душу сладкие чувства Елене:
140 Вспомнила город родной и родню та, и первого мужа.
Встала она и, себя серебристой накидкой окутав,
Быстро из дому пошла. По щекам её слёзы струились.
Вслед за своей госпожой поспешили две верных служанки,
Эфра Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.
145 Вместе спеша, подошли к возвышавшимся Скейским воротам.
Там полукругом, – Приам, и Фимет благородный, и Пáнфой,
Клитий, божественный Ламп, Гикетáон, Аресова отрасль,
Укалегóн, и герой Антенóр, прозорливые оба, –
Старцы народа сидят над воротами в башне высокой.
150 Старцы уже не могли воевать, но в Совете сидели,
Сильные словом своим, и цикадам подобны, что в рощах,
Сидя на ветках, кричат, звонкий голос вокруг разливая:
Вот Илиона вожди, что собрались на башне высокой!
Старцы, увидели лишь, как Елена на башню выходит,
155 Тихие между собой говорили крылатые речи:
«Нет, невозможно никак осуждать ни троян, ни ахейян,
Что за такую жену терпят беды, воюя так долго!
Вечным богиням она красотою подобна, то правда!
Но и такая краса, пусть уж лучше в Элладу вернётся;
160 Пусть удалится от нас и от наших детей злая гибель!»

Так говорили. Приам подозвал дружелюбно Елену:
«Милая дочь, подойди ты поближе и сядь со мной рядом,
Первого мужа тогда ты увидишь, родных и знакомых.
Ты не виновна ни в чём предо мною; то – боги виновны:
165 Боги с войной на меня многослёзной подняли ахейян.
Сядь же сюда, назови мне того вон огромного мужа.
Кто это? Так он велик пред ратью ахейскою, так мощен?
Выше его головы меж ахейцами есть и другие,
Но никогда не видал я такого красивого мужа,
170 С видом почтенным таким. Он подобен царю, не иначе!»

Старцу ответила так знаменитая в жёнах Елена:
«Свёкор мой милый, ты мне и почтенье внушаешь, и трепет.
Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась
Следовать с сыном твоим, и покинула брачную спальню,
175 Братьев, и милую дочь, и весёлых подруг столь бесценных!
Так не случилось, увы. Я об этом жалею и плачу!..
Но, ты вопрос мне задал; я отвечу тебе, Дарданион:

Воин, о ком ты спросил, – то державный Атрид Агамемнон,
Славен в Элладе как царь, мудрый муж, и как доблестный воин.
180 Был он мне деверем. Ах, если б был он мне деверем снова!»

Так говорила она. И Приам, восхищаясь, воскликнул:
«О, Агамемнон, блажен ты, родившийся смертным счастливецом!
Сколько под властью твоей есть ахейских сынов браноносных!
Некогда я пребывал во фригийской земле виноградной,
185 Видел великую рать фригиян, колесничников быстрых;
Видел Отрёя полки и Мигдона, подобного богу:
Станом их воинство вдоль берегов сангарийских стояло;
Там находился и я, их союзником был я в то время,
В день, как нашла на них рать амазонок, мужчинам подобных.
190 Но столько не было их, сколько здесь быстроглазых данайцев».

Тут вдруг увидел Приам Одиссея, спросил у Елены:
«Ну-ка скажи мне, дитя, кто вон тот величавый данаец?
Ниже на голову он, чем великий Атрид Агамемнон,
Но, как мне видится, он и плечами и грудью пошире.
195 Вооруженье его всё лежит на земле плодоносной;
Сам же, как овен, ряды ратоборцев обходит он чинно.
Схожим мне кажется он с бвном пышнокудрявым, который
В стаде огромном среди сереброрунных овец чинно ходит».

Вновь отвечала ему порождённая Зевсом Елена:
200 «Это, почтенный Приам, Лаэртид Одиссей многоумный,
Он каменистой земли сын любезный, народа Итаки,
Хитрый, на козни горазд, полон мудрых советов различных».

К ней обратил свою речь и герой Антенор благоумный:
«Подлинно, ты говоришь справедливо, о, женщина, знаю:
205 Некогда к нам приходил Одиссей Лаэртид знаменитый,
Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным вместе.
Я их тогда принимал, угощал их по-дружески в доме;
А заодно я узнал и характер, и разум обоих.
Если же вместе они на собрания троянцев являлись, —
210 Стоя вдвоём, Менелай шириной своих плеч отличался;
Сидя же рядом, видней Одиссей благородный казался.
Если же речи они говорили нам перед собранием, —
Царь Менелай говорил, изъясняясь хоть бегло, но ясно,
Немногословен он был, но в словах своих точен предельно,
215 Без околичностей речь говорил. Хоть и младше годами.
Если ж вставал говорить свою речь Одиссей многоумный,
Тихо стоял и смотрел он на землю, потупивши очи;
Скипетра в правой руке ни назад, ни вперед он не двигал,
А неподвижно держал, человеку простому подобный.
220 Каждый бы мог его счесть за неумного злобного мужа.
Но лишь звучать начинал из груди его голос могучий,
Речи из уст у него, словно снежная выюга, стремились!

Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем в речах состязаться;
И не дивились уже, как стоял он, о том забывали».

225 Третьим Аякса Приам увидал, вновь спросил у Елены:
«Кто ещё тот вон стоит, столь огромный, могучий ахеец?
Плеч шириною он всех, также ростом своим превосходит».

Старцу ответила так знаменитая в жёнах Елена:
«Это великий Аякс Теламонид, твердыня данаев.
230 А среди критских дружин, возвышается, богу подобен,
Идомоней, и при нём предводители критян толпятся.
Часто герой Менелай угощал в нашем доме как друга
Идоменея, когда приходил он из славного Крита.
Вижу и многих других быстрооких данайских героев;
235 Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.
Двух лишь не вижу нигде предводителей ратей, их нет здесь:
То укротитель коней Кастор, и Полидевк многосильный,
Братья родные мои, близнецы, мать одна родила нас.
Разве из Спарты родной не пришли они вместе с другими?
240 Или, быть может, они, хоть и прибыли морем со всеми,
Но не желают вступать в ратоборство за честь мою; может,
Страшно гнушаются мной и позором, меня тяготящим!»

Так говорила. Но тех мать-земля уже скрыла в могиле,
В Спарте родной, что зовут Лакедемоном также весёлым.

245 А через Трою уже проносили для клятвенной жертвы
Пару ягнят и вино (дар полей) веселящее сердце,
В козьем меху. И ещё нёс Идей, провозвестник Приамов,
Чашу блестящую, с ней также кубки он нёс золотые.
Перед Приамом представ, Дарданидом; ему говорил он:
250 «Лаомедонид, иди, приглашают тебя воеводы
Трои великой сынов, также – меднодоспешных данаев!
Выйди на поле к войскам, там положим мы клятвы святы.
Хочет герой Александр с Менелаем, любимцем Ареса,
Выйти один на один, за Елену на копьях сразиться.
255 Кто из двоих победит, тот получит её и богатства.
Мир все тогда заключат; дружбу скрепим мы клятвой. Ахейцы
В Аргос, где много коней, пусть обратно плывут, и в Ахайю,
Славную жён красотой. Мы же – будем владеть нашей Троей».

Так произнёс. И Приам ужаснулся, но тут же велел он,
260 Чтоб колесницу его запрягли. То исполнили быстро.
Старец взошёл на неё и бразды натянул, чтобы править;
Возле него Антенор на блистательной встал колеснице.
Прямо из Скейских ворот царь направил коней в поле, к войску.

К месту лишь прибыли, где были рати троян и ахейн,
265 Сразу на землю сошли со своей колесницы прекрасной.

Между двух армий вдвоём серединою шествуют старцы.
Быстро навстречу им встал повелитель мужей Агамемнон,
Встал вместе с ним Одиссей. Тут почтенные вестники оба
Жертвенных тихих ягнят передали для клятвы, смешали
270 В чаше вина, и царям они воду на руки полили.
Тут Агамемнон Атрид, острый нож обнажил свой, который
Возле большого меча неизменно всегда находился;
На головах у ягнят по волне от руна он отрезал.
Вестники, их разделив, дали избранным в ратях обеих.
275 Царь Агамемнон тогда поднял руки, к бессмертным взывая:
«Зевс громовержец! Велик и преславен ты, с Иды глядящий!
Гелиос, видящий днём всё и слышащий всё в поднебесной!
Реки, Земля, также вы, о, подземные боги, что души
Смертных караете всех тех, которые ложно клянутся!
280 Вы – нам свидетели! Вы клятвы наши святые храните!
Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,
Он и Елену пускай, и сокровища в доме удержит;
Мы ж от троянской земли отплывём на судах мореходных.
Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
285 Граждане Трои должны возвратить и жену, и богатства;
Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично,
Так, чтобы память о ней и у дальних потомков осталась.
Если ж Парис вдруг падёт, а Приам с Приамидами вместе
Не захотят заплатить должной мне компенсации, буду
290 Я воевать здесь, пока компенсации мне не заплатят,
И не увижу пока я итога войны этой долгой!»

Так он сказал. И ножом перерезал гортани ягням.
На землю их положил. В смертном трепете те задрожали,
Дух испуская; так медь сокрушила их юную силу.
295 После, из чаши вино, из блестящей, все черпали кубком,
И возливали богам вечносущим, и громко молились;
Так не один восклицал и в ахейских рядах, и в троянских:
«Зевс многославный! И вы, о, бессмертные боги! Взываем!
Первых, которые вдруг нашу клятву посмеют нарушить,
300 Мозг, как из чаши вино, пусть по чёрной земле разольётся,
Их, и детей их; а жён пусть пришельцы в домах обнимают!»

Так возглашали они. Но Кронид их молитв не исполнил.
Старец Приам между тем обратился к народам, сказал он:
«Слушайте, Трои сыны и ахейцы! Внемлите вы слову!
305 Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.
Знаю, не хватит мне сил, чтобы видеть своими глазами
Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Ареса.
Знает лишь Зевс Эгиох, и другие бессмертные боги,
В битве кому из двоих предназначена смерть. Будь что будет».

310 И в колесницу ягнят положил царь Приам боговидный,
Всходит и сам и бразды натянул, чтобы править конями;

Возле него Антенор на блистательной встал колеснице.
Старцы, коней развернув, их погнали назад, к Илиону.

Гектор тогда Приамид, вместе с ним Одиссей благородный,
315 Место измерили, где будут биться противники. После
Бросили жребии в шлем медный и потрясли, чтоб решилось:
Кто первым пустит копье медноострое недругу в сердце.
Рати ж молились вокруг и к богам воздевали ладони;
Так не один восклицал и в ахейских рядах, и в троянских:
320 «Зевс громовержец! Велик и преславен ты, с Иды глядящий!
Сделай же так, что бы тот, кто в войне этой долгой виновен,
Был в поединке убит, и в жилище Аида сошел он;
Нам чтоб опять утвердить и священные клятвы, и дружбу!»

Так возглашали. Потряс оба жребия Гектор великий
325 В шлеме, глаза отвернув; выпал на землю жребий Париса.
Воины быстро в рядах все уселись, где каждый оставил
И звуконогих коней, и оружие своё, и доспехи.
Той же порой покрывал свои плечи оружием пышным
Юный герой Александр, муж Елены прекраснокудрявой.
330 Прежде всего, наложил он на белые ноги поножи
Дивные, их он сомкнул плотно чудной серебряной пряжкой;
Следом за этим и грудь защитил себе панцирем медным,
Брата Ликаона то был доспех, но ему по размеру;
Сверху надел на плечо он ремень, также – меч среброгвоздный
335 С медным клинком; захватил также щит свой огромный и крепкий;
Буйную голову он шлемом ярким своим покрывает
С конскою гривой, она страшным гребнем над ним волновалась;
И, наконец, взял копье, хоть тяжёлое, всё же по силе.
Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

340 После того как они средь своих каждый к бою собрались,
На середину меж войск смело вышли противники оба.
Грозно глаза их блестят. И смотрящих всех ужас объемлет,
Конников храбрых троян и красивопоножных данайцев.
Близко герои сошлись и на месте отмеренном встали,
345 И, потрясая в руках свои копья, враждою пылали.
Первым копье отослал Александр боговидный, метнувший
С силой; копьем угодил он противнику в щит круговидный.
Но не пробил твёрдый щит, в нём погнулось копейное жало.
Царь Менелай свой удар стал готовить; копьем потрясая,
350 Он что есть сил умолял в сердце пламенном Зевса владыку:
«Зевс! Помоги покарать сотворившего мне оскорбление!
В прах ты моею рукой низложи Приамида Париса;
Чтобы боялись и впредь даже в дальних-предальных потомках
Злом воздавать за добро добродушному гостеприимцу».

355 Это сказав, он копье со всей силы метнул в Александра,
Тоже противнику в щит круговидный ударив жестоко.

Щит светозарный насквозь пробежало могучее древко;
Следом и панцирь насквозь украшением пышный пронзила
Медь, рассекла на боку ниже рёбер хитон у Париса.
360 Он увернулся едва, и едва избежал чёрной смерти.
Сын же Атрея тогда, среброгвоздный свой меч быстро вынув,
С силою им рубанул прямо в бляху на шлеме Париса.
Меч, от удара в куски разлетевшись, из рук его выпал.
И возопил Менелай, на широкое небо взирая:
365 «Зевс! Ни один из богов так, как ты, для меня не зловерден!
Я, наконец, уповал покарать Александра! И что же?!
Меч у меня на куски разлетелся! Копьё своё также
Я отослал в пустоту! А противника даже не ранил!»

Так он сказав, налетел на Париса, за шлем коневласый
370 Крепко схватив, поволок прямо к пышнопоножным ахейцам.
Сильно узорный ремень стиснул нежную шею Париса,
Тот, что поддерживал шлем, проходя под его подбородком.
И дотащил бы его Менелай, взяв великую славу,
Но Афродита с небес поражение любимца увидев,
375 Подвязь из кожи быка порвала, дочь Крониона Зевса.
Шлем лишь повлёкся пустой за могучей рукой Менелая.
В воздухе шлем раскрутив, Атрейон его бросил к данаям
Пышнопоножным. С земли шлем подняли друзья Менелая.
Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
380 Медным копьём. Но того скрыла с глаз Афтодита Киприда,
Облаком тёмным покрыв. И уносит любимца богиня,
Прямо на ложе его, в спальню полную благоуханий.
Быстро уходит сама, чтоб Елену позвать, и на башне
Тут же дочь Леды нашла, окружённую сонмом троянок.
385 Тихо рукой потрясла благовонное платье Елены
И обернулась тотчас древнербжденной старицей, пряхой,
Той, что когда-то давно для неё в Лакедёмоне граде
Шерсть превосходно пряла и царевну душою любила;
Ей уподобившись, так говорит Афродита богиня:
390 «В дом возвращайся, тебя Александр, твой супруг, призывает.
Он уже дома, сидит в вашей спальне, на ложе точёном,
Светел своей красотой и одеждой; и даже не скажешь,
Что со сраженья пришёл юный муж твой, скорее решишь ты,
Будто он с танцев пришёл отдохнуть, иль на танцы собрался».

395 Так говорила она, взволновав этим душу Елены.
Но та заметила вдруг и прекрасную шею Киприды,
И полных прелестей грудь, и блистание глаз её страстных.
В ужас Елена пришла; так к богине она обратилась:
«Ах, ты, жестокая! Вновь обольстить меня, хитрая, хочешь?
400 Иль ещё дальше увлечь, в многолюдный какой-нибудь город
Фригии иль, может быть, – Мионии весёлой? Признайся!
Может, и там где-то есть муж любезный тебе среди смертных?
Нынче, когда Менелай, победив Александра в сражении,

Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
405 Что ж ты являешься мне, в хитром сердце коварство питаешь?
Шла бы к любимцу сама! Отрекись от дороги бессмертных
И, никогда уже впредь не касаясь стопой Олимпа,
Вечно при нём изнывай и ласкай властелина, покуда
Будешь женою ему или даже наложницей только!
410 Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложь его украшать; надо мной все троянские жёны
Будут смеяться тогда. Мне и так уж довольно страданий!»

Гневно ответила ей Зевса дочь Афродита богиня:
«Смолкни, несчастная! Я ведь могу тебя вовсе оставить.
415 Я ненавижу так же сильно, как прежде любила.
Лютую злобу к тебе разожгу у троян и ахейцев,
В ратях и тех, и других; и погибнешь ты смертью ужасной!»

И испугалась угроз порождённая Зевсом Елена,
Молча укрыла себя серебристо-блестящим покровом
420 И за богиней пошла, незаметная сонму троянок.
Вскоре они подошли к пышнодивному дому Париса.
Обе служанки скорей приступили к домашним работам.
Тихо Елена тогда поднялась прямо в светлую спальню.
Там Афродита сама для неё взяла кресло, и ближе
425 Ставит к Парису его, улыбаясь пленительно, сладко.
В кресле устроилась том порождённая Зевсом Елена,
Скромно глаза отвела и сказала супругу с упрёком:
«С битвы пришел ты, герой? Ох, уж лучше б, несчастный, погиб ты,
Мужем могучим убит, тем, что был до тебя мне супругом!
430 Прежде хвалился ты сам, что один Менелая героя
Силой своей и рукой, и копьём превзойдешь в ратоборстве!
Ну так ступай и дерись! Снова вызови в поле Атрида
Биться один на один! Впрочем, я не советую; лучше
Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
435 Войском сражаться или в поединке не смей безрассудно;
Бойся, иначе копьём Менелай укротит тебя быстро!»

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
«О, не печаль мне, жена, ты упреками горькими сердце:
Нынче меня победил Менелай при поддержке Афины,
440 Завтра – победа за мной: и у нас есть защитники-боги!
Лучше теперь мы с тобой насладимся взаимной любовью.
Страстью такой у меня никогда ещё ум не мутился,
Даже в счастливый тот день, как, тебя я из Спарты весёлой
Тайно похитив, бежал на моих кораблях быстролётных,
445 И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.
Ныне ж пылаю тобой я, желания сладкого полный».

Так он сказал и пошёл лечь на ложе, за ним и супруга.
Вместе уснули они на блистательноубранном ложе.

Сын же Атрея, как зверь разъяренный, метался и рыскал,
450 Взоры бросая кругом: не увидит ли где Александра.
Но ни один из троян, ни один из союзников Трои
Мощному мужу не мог указать Александра-Париса.
Даже из дружбы к нему, знавший, где он, не скрыл бы Париса,
Так ненавистен он стал и друзьям, и врагам, хуже смерти.

455 Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Слушайте, Трои сыны и союзники Трои! Внимайте!
Видели все торжество Менелая, любимца Ареса.
Так что Елену теперь, и богатство, что с нею украли,
Вы нам верните. Ещё также должную дань заплатите,
460 Так, чтобы память о ней и у дальних потомков осталась».

Так Агамемнон сказал, – и хвалу восклицали ахейцы.

Песнь четвертая. Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном

Боги, у Зевса отца на крыльце золотом заседа,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Всем разливала нектар. Боги, кубки беря золотые,
Друг другу честь воздают, сверху чинно взирая на Трою.
5 Тут Олимпиец Кронид вдруг над Герой решил посмеяться,
Едкою речью её разозлить; начал так он с издёвкой:
«Знаю, богини здесь две помогают в войне Менелая:
Гера Аргивская и Тритогения Алалкомена.
Обе, однако, сидят далеко и с Олимпа взирают,
10 Тем утешаются; но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковую беду отражает;
Вот и сегодня спасла от мучительной смерти любимца.
Ведь очевидной была Менелая героя победа.
Боги, помыслим сейчас, чем нам дело такое закончить?
15 Снова ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?
Если же то всем богам и желанно весьма, и приятно, –
Пусть нерушимо стоит достославная Троя Приама,
Царь Менелай же домой возвратится с Еленой Аргивской».

20 Так он сказал. Злясь на то, и Афина, и Гера вздыхали;
Рядом сидели они, измышляя несчастья троянцам.
Гнев затаив на отца, не сказала ни слова Афина,
Молча сидела, хотя её мучила злоба на Зевса.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула в гневе:
25 «Сердцем жестокий Кронид! Ты какие слова произносишь?!
Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным, и пот мой напрасным, –
Им обливалась, трудясь, я сама, и коней истомила,
Рать поднимая на бой, на погибель Приаму и Трое!?
Волю свою ты твори, только боги не все ей довольны!»

30 Ей, негодуя, в сердцах отвечал грозный Зевс тучеводец:
«Злобная! Старец Приам и Приамовы дети какое
Зло сотворили тебе, что желаешь теперь непрестанно
Ты истребить Илион, благолепную смертных обитель?
Если б могла, ты б вошла за врата, за троянские стены,
35 И пожрала бы живьём и Приама, и всех Приамидов,
С ними – троянский народ! Лишь тогда б ты насытила злобу!
Делай, как сердце велит. Горький спор этот наш, я надеюсь,
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
Слово еще я скажу, и его в своём сердце храни ты:
40 Если во гневе и я, пожелаю когда-нибудь город
Смертных, тебе дорогих, в прах разрушить, сгубив их отчизну, –
Гнев не обуздывай мой! Дай и ты мне свободу для действий!

Трою ж тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Ведь, сколь ни есть городов на земле под сияющим солнцем
45 Или под звёздной мглой, населённых сынами земными,
Сердцем моим больше всех чтима Троя священная, также –
Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний каких, ни курений. Там честь мою чтили».

50 Зевсу сказала в ответ волоокая Гера богиня:
«Более всех мне милы лишь три города славных ахейских:
Спарта холмистая и город Аргос, и город Микены.
Их истреби ты, когда станут вдруг для тебя ненавистны;
Я же за них не вступлюсь, и с тобой враждовать я не стану.
55 Сколько бы гневная я ни противилась их истреблению,
Не помешаю тебе: ты один на Олимпе сильнейший.
Только труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
Я, как и ты, – божество, исхожу из того же я рода;
Старшая я средь богинь, дочь могучего мудрого Крона,
60 Славой двойною горжусь, что меня и сестрой, и супругой
Ты называешь, – о, Зевс, над бессмертными всеми царящий.
Ну же, оставим вражду, вместе друг перед другом смиримся,
Оба уступим, и пусть нам последуют также другие
Боги бессмертные. Ты ж повели, о Кронион, Афине
65 К битве кровавой сойти между воинств троян и данаев;
Так пусть устроит она, чтоб троянцы нарушили клятву
Первыми, тем оскорбив гордых славою сильных данаев».

Так говорила, – и внял ей отец и бессмертных, и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
70 «Быстро, Афина, лети ты к войскам и троян, и данаев;
Там искушай и успеи, чтобы славою гордых данаев
Первыми Трои сыны оскорбили, разрушив все клятвы».

А уж Афина давно это сделать пылала желаньем.
Бурно помчалась она с олимпийских высот как комета;
75 Словно ночная звезда, что как знаменье Зевс посылает
В море далёким пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; так из неё всюду сыплются искр мириады, –
В дивном сиянии таком устремила на землю Афина.
Пала она между войск; и стояли полки, изумляясь,
80 Конников храбрых троян, также меднодоспешных данаев.
И, друг на друга взглянув, говорили они меж собою:
«Что это? Может, к войне это знаменье, к сече кровавой,
Снова на Трою идти? Или, может быть, мир между нами
Зевс предвещает теперь, войн и мира верховный вершитель?»

85 Так не один говорил и в троянских рядах, и в ахейских.
Зевсова ж дочь между тем, Антенóрида вдруг Лаодóка
Храброго образ прияв, быстро в толпы троянские входит;

Пандара ищет, у всех вопрошая, подобного богу.
Видит его, наконец: сын Ликаона доблестный Пандар,
90 Муж непорочный, – стоит, с ним – густые ряды щитоносцев,
Тех, что пришли вместе с ним от священных потоков Эсепа.
Около встав, так ему говорила богиня Афина:
«Сделаешь ли, что скажу, сын Ликаона, доблестный воин?
Смеешь ли быстрой стрелой ты ударить в царя Менелая?
95 В Трое тогда ты у всех обретёшь благодарность и славу;
Более ж всех – у царя Александра, Приамова сына.
Дар понёсешь от него ты от первого, дар знаменитый,
Если увидит он вдруг, как, твоею стрелой поражённый,
Доблестный царь Менелай на костёр поднимается грустный.
100 Пандар, дерзай! Порази Менелая, высокого славой!
Прежде же дай ты обет луконосцу ликийскому, Фебу,
Знатную жертву ему принести из ягнят первородных,
По возвращенью домой, за священные Зелии стены».

Это Афина сказав, на безумство безумца подвигла.
105 Взял он лоснистый свой лук из рогов быстроскачущей серны,
Дикой, которой он сам на охоте под сердце нацелил,
Ждавший в засаде; в тот миг, когда с камня уж спрыгнуть хотела,
В грудь ей стрелу он послал, опрокинув на камень хребтиной.
Серны рога от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
110 Их знаменитый сплотил рогодел, обработав искусно,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его золотом сверху.
Лук тот блестящий стрелок, натянул и искусно изладил,
Низко к долине склонив; под щитами дружины укрывшись
В страхе, чтоб также в него не стрельнули ахейцы, увидев,
115 Прежде чем будет пронзён Менелай, предводитель ахейн.
Крышку колчана подняв, из него Пандар вынул на волю
Быстрокрылатую смерть, чёрных острых страданий источник.
Тут же к тугой тетиве приспособил стрелу он проворно,
Быстро поклявшись затем луконосцу, ликийскому Фебу,
120 Знатную жертву тому принести из ягнят первородных,
По возвращенью домой, за священные Зелии стены,
Разом и ушки стрелы он повлёл, и воловую жилу.
Жилу привлёк до груди, ну а жало пернатой – до лука.
Лук свой огромный согнул Пандар так, что тот стал круговидным,
125 Рог закрипел, тетива загудела, – стрела устремилась
Острая в гущу врагов, прямо к цели, к намеченной жертве.

Но и тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вечные боги; из них Зевса дочь была первая в этом.
Став пред тобою, она запретила стреле смертоносной
130 Тела касаться; она, словно нежная мать от ребёнка,
Сладким дремавшего сном, гонит мух, – так стрелу отмахнула,
Ловко направив её в место, где золотые застёжки,
С панцирем пояс сомкнув, тем двойную броню образуют.
Бурнопернатая смерть в этот сомкнутый пояс попала

135 И просадила насквозь превосходно украшенный пояс,
Также пробила броню, украшением пышную; также
Медную навязь насквозь прободала, – защиту для тела,
Стрел сокрушение, его защищавшую часто, – пронзила
Быстрая, и рассекла даже кожу царя Менелая:
140 Тут же багряная кровь заструилась из раны Атрида.

Словно слоновая кость, обагрённая пурпуром ярким,
Что кариянка, или меонийка готовят для пышных
Конских нащёчников; что до поры лежит в доме хозяйки;
Многие страстно хотят обрести эту царскую утварь:
145 И украшение коню, и для конника слава и радость, –
Так у тебя, Менелай, обагрились пурпурною кровью
Бедра крутые твои, ноги стройные, даже лодыжки.

В ужас приходит Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Видя, как тёмная кровь заструилась из раны у брата.
150 В ужас приходит и сам Менелай, многославный воитель;
Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атрида в груди переполнилось мужеством сердце.
Тяжко стеная, держа брата за руку, царь Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
155 «Милый мой брат, договор на погибель тебе заключил я,
Выставив против троян одного за данаев сражаться:
Ими пронзён ты; они клятву общую нашу попрали!
Но не напрасны, поверь, наша клятва, кровавая жертва,
Вин возлиянье и рук сопряжение на верность обета.
160 Если теперь же свершить месть за это Кронид не захочет,
Позже он всё же свершит! За обман свой заплатят троянцы
Женами их и детьми; головами своими заплатят!
Твердо уверен я в том, убеждаюсь и духом, и сердцем:
Будет же некогда день, и погибнет высокая Троя!
165 Древний погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Зевс громовержец, Кронид, тучегонец высоко царящий,
Над головами троян сам эгиду свою заколеблет
В гневе жестоком за их вероломство: и месть совершится.
Но между тем, Менелай, и жестокая будет мне горечь,
170 Если умрёшь ты, мой брат, здесь отметив предел своей жизни.
Я отягчённый стыдом, отойду в многожаждущий Аргос!
Скоро в отчизне тогда все ахейцы опять затоскуют:
Здесь мы на радость врагам и на славу Приаму оставим
Нашу Елену, и тут твои кости средь поля истлеют,
175 Лёгшие в чуждой земле, ради незавершённого дела.
И на могильный курган Менелая героя поднявшись,
Скажет тогда не один беспредельно надменный троянец: —
Если б над всеми свой гнев так всегда совершал Агамемнон!
Он к Илиону привёл всю ахейскую рать бесполезно;
180 Он на пустых кораблях возвратился в родимую землю,
Брата оставив нам здесь, Менелая, покрытого славой. —

О, если так, Менелай, лучше б мне провалиться под землю!»

Брата чтоб приободрить, так сказал Менелай светловласый:
«Брат, не печалься и в страх не вводи ополчений ахейских.
185 Выбрала страшная медь не смертельное место для раны:
Прежде ей пыл укротил пояс мой пёстроубранный, следом
Также – броня, а потом – навязь медников ковки искусной».

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Было бы истинно так, как сказал ты, возлюбленный брат мой!
190 Пусть знаменитый наш врач твою рану немедля осмотрит
Пусть к ней приложит лекарств, утоляющих чёрные боли».

Далее к вестнику он обратился к Талфибию с речью:
«Быстро, Талфибий, иди и сюда призови Махаона, –
Лучшего в войске врача и Асклепия мудрого сына.
195 Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая героя:
Кто-то из лучших стрелков среди троян или, может, ликийян,
Ранил Атрида стрелой нам на горе, троянам на славу».

Так Агамемнон сказал. И, царю повинувшись, глашатай
Быстро пошёл сквозь ряды, по великому войску данаев,
200 Всюду смотря по рядам Махаона; и вот, – его видит:
Тот окружённый стоял щитоносцами храбрыми, теми,
Что прилетели за ним по волнам из богатой конями
Трикки. Встав возле него, так Талфибий ему возвещает:
«Шествуй, Асклепиев сын; Агамемнон тебя призывает;
205 Нужно тебе осмотреть срочно рану вождя Менелая:
Кто-то из лучших стрелков среди троян или, может, ликийян,
Ранил Атрида стрелой нам на горе, троянам на славу».

Так он сказал, и в груди Махаона встревожилось сердце.
Быстро пошли сквозь ряды по великому войску данаев.
210 К месту пришли, где Атрид Менелай светлокудрый был ранен,
Там уж собрались вокруг властелины ахейские вместе,
А среди них – Менелай, даже раненый богу подобен.
Тут же стрелу Махаон хочет вынуть из пояса разом,
Но, лишь повлѣк он её, загнулись шипы у пернатой;
215 Быстро тогда расстегнул пѣстроблещущий пояс он, следом
Также – броню, а потом – навязь медников ковки искусной;
Рану затем осмотрел, нанесѣнную горькой стрелою;
Выдавил грязную кровь и лекарствами рану присыпал,
Силу их добрый Хирон сам открыл для отца Махаона.

220 Но той порой, как вокруг Менелая данаи столпились,
Быстро отряды троян щитоносных пошли в наступленье;
Снова оружием своим покрывались данаи и – к бою!
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или на брань неохотным, трепещущим, тихим:

225 Нет, устремился он в бой, что геройством мужей прославляет.
Даже хрипящих коней с колесницей, что медью сияет,
Сзади оставил. Держал браздодержец коней недалёко,
Сын Птолемёя и внук Пирабса, гигант Эвримёдон.
Рядом держаться Атрид повелел на тот случай, когда он
230 Ноги трудом истомит, обходящий и строящий многих.
Сам устремился он пеш, проходя по рядам ратоборцев.
И, находя аргивян быстроконных на бой поспешавших,
Дух поднимал им, представ, ободрял побудительной речью:
«Аргоса воины! Вы нынче вспомните славу и доблесть!
235 Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет помощник
Трои сынам, что, поправ свои клятвы, богов оскорбили!
Вороны пусть исключют, до костей растерзают тела их!
Мы же цветущих их жён, и сестёр, и детей малолетних
В плен на судах увлечём, как возьмём крепкостенную Трою!»

240 Встретив же тех, кто хотел уклониться от битвы печальной,
Гневно на них нападал, порицая их словом жестоким:
«Аргоса воины! Вы презираемы станете в стане!
Как вам не стыдно стоять, в смертном страхе, как робкие лани?!
Лани, устанут когда от безумного бега по полю,
245 Тесно стоят, и в груди нет ни духа, ни силы для бега, —
Так, словно лани, и вы здесь стоите и медлите к бою!
Может быть, ждёте, когда к кораблям войско Трои подступит,
К нашим, с красивой кормой, что у берега моря седого,
Там чтоб увидеть: ни вас ли рукой покрывает Кронион?..»

250 Так Агамемнон вокруг обходил все полки ратоборцев.
Вот, проходя сквозь ряды, подошёл он и к критским шеренгам,
Критяне строились в бой, предводимые Идоменеем;
Идомений впереди их подобен был вепрю, могучий;
Вождь Мерибн у него позади побуждал ополченья.
255 Видя старание их, свою радость не скрыл Агамемнон,
Идомения тотчас он приветствовал ласковой речью:
«Идомений, я тебя среди сонма героев ахейских
Чествую более всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на наших пирах, где дают благородным данаям
260 Чашу с почётным вином растворённым, багрово-искристым;
Где предводители все славных меднодоспешных данаев
Мерой известною пьют, но твой кубок стоит непрестанно
Полный вина, как и мой; ты ведь пьёшь по желанию сердца.
Так же и в бой ты иди! Будь как прежде, гордись своей славой!»

265 Тут же Атриду в ответ говорил критский военачальник:
«О, Агамемнон, твоим неизменно останусь я другом,
Верным всегда и везде, как и прежде, ведь я в том поклялся!
Но поспеши и других побудить кудреглавых данаев.
Битву скорее начнём; ведь троянцы нарушили клятву,
270 И вероломством своим оскорбили богов и данайцев!

Верю, гибель их ждёт и жестокие беды за это!»

Так он сказал. И Атрид отошёл от них с радостным сердцем.
Вот, проходя сквозь ряды, он к Аяксам теперь устремился.
Оба готовились в бой, окруженные тучею пеших.
275 Словно с вершины холма вдруг увидел пастух, как над морем
Туча большая плывёт, бурным ветром гонимая с моря;
Издали взору она представляется черной смолою,
Мчится над морем седым, предвещая ужасную бурю;
С ужасом смотрит пастух и стада свои гонит в пещеру.
280 Схожие с тучей такой, за Аяксами юношей пылких
К битве кровавой с врагом устремлялись фаланги густые,
Чёрные, грозно кругом и щиты поднимая, и копья.
Видя такое, опять радость чувствует царь Агамемнон
Тут же к обоим вождям обратился он с речью крылатой:
285 «Храбрые мужи, вожди меднолатных данаев, Аяксы!
Вам я бойцов побуждать не даю повелений ненужных:
Сами вы их хорошо поощряете к пламенным битвам.
Если б... О, Зевс громобой! О, Афина! О, Феб луконосец!
Если б у каждого так, как у вас билось мужество в сердце,
290 К нашим ногам уж давно пал бы город Приама могучий,
Мужеством только одним и пленённый, и в прах обращённый!»

Так он сказал, и к другим отошёл от них с радостным сердцем.
Встретился Нестор ему, сладкогласый вития пилосский:
Строил свои он войска, их сердца распаляя на битву.
295 И окружали его Пелагён, что высокий был ростом,
Гёмон, воинственный царь, и Биант, и Аластор, и Хромий.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;
Пеших бойцов позади он поставил, храбрейших в дружине,
Тех, что в сраженьях – стена! Ну, а робких собрал в середину,
300 Так, чтобы каждый из них тут уж волей-неволей – сражался.
Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
В ряд колесницы держать и нестройной толпой не тесниться:
«И чтоб никто среди вас, полагаясь на силу и удаль,
Против троян впереди остальных в одиночку не бился.
305 Также – назад не сдавать! Вы себя лишь ослабите этим.
Кто ж в колеснице своей на врага колесницу наедет,
Выстави пику вперед: наилучший для конников способ.
Так же и ваши отцы города все громили и стены.
Разум и дух боевой сохраняйте и вы в своём сердце!»

310 Так наставлял он бойцов, сам во многих испытанный битвах.
Видя старанье его, снова радость не скрыл Агамемнон,
К Нестору он подошёл, устремляя крылатые речи:
«Если бы, старец, как дух твой доныне и молод и крепок,
Ноги служили тебе, и осталась бы в свежести сила!
315 Но угнетает тебя неизбежная старость. Уж пусть бы
Кто-то стареет другой, ну а ты бы блистал между юных!»

И Агамемнону так отвечал Нестор, всадник геренский:
«О, благородный Атрид! Несказанно желал бы и сам я
Быть всё таким, как в тот день, что поверг я Эревфалиона.
320 Только ведь сразу и всё не даруют бессмертные боги;
Молод я был, а теперь и меня взяла в спутницы старость.
Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их
Словом, советом моим: это честь, что осталась для старцев.
Копья же мечут пускай молодые ахейские мужи,
325 Что уже после меня родились, в них надежда на силу».

Так он сказал. И Атрид отошёл от них с радостным сердцем.
Невдалеке он нашёл Менесфёя. Но конник тот славный
Праздно стоял, и вокруг – афиняне, искусные в битвах.
Близ Менесфёя стоял Одиссей Лаэртид многоумный,
330 И окружали его кефалленов ряды, сильных в битвах.
Праздно стояли они, и не знали ещё о тревоге:
Так как, едва устремясь, друг на друга сходились фаланги
Конников быстрых троян и ахейн, что в первых дружинах.
Дальние – ждали, когда перед ними другая дружина
335 Прежде ударит в троян, и кровавую битву завяжет.
Так их увидя, вспылil повелитель мужей Агамемнон
Громко вождям он сказал, устремляя крылатые речи:
«Эй, Менесфёй Петейд, славный сын скиптроносца Петея!
Также и ты, Лаэртид, полный хитростей, полный коварства!
340 Что укрываетесь тут, и стоите, других ожидая?!
Вам средь ахейских вождей надлежало бы вместе обоим
Первыми броситься в бой, и в лицо на врага устремляться!
Первыми ведь от меня вы о пиршествах слышали наших,
Если старейшинам пир учреждают ахейцы почтенный.
345 Там вам приятно, ведь там насыщаетесь жареным мясом,
Кубками пьёте нектар сладких вин по желанию сердца.
Здесь же приятно для вас посмотреть, как не вы, а другие,
Хоть бы и десять фаланг пред вами сражались с врагами!»

Гневно взглянув на него, отвечал Одиссей знаменитый:
350 «Речи обидные ты выпускаешь из уст, Агамемнон!
Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если ты хочешь,
Мы быстроконных троян опрокинем свирепством Ареса!
Сам убедишься ты в том, если в этом участие примешь!
Сам ты увидишь отца Телемаха в сражении первым
355 Перед рядами троян! А слова произнёс ты пустые!»

Гневным увидев его, улыбнулся Атрид Агамемнон,
И, обращаясь к нему, он повёл уже речи иные:
«О, благородный герой Одиссей Лаэртид многоумный!
Я ни упреков тебе, ни приказов давать не намерен.
360 Слишком я знаю, что ты самых добрых намерений полон,
И, где б мы ни были, ты одинаково мыслишь со мною.

К бою готовьтесь! А то, что обидное сказано было,
После исправим, и пусть то бессмертные сделают вздором!»

Так он сказал, и к другим устремился, оставив последних.
365 Вскоре увидел Атрид Диомёда Тидида, стоящим
Возле коней и своей составной колесницы блестящей;
Рядом стоял и Сфенёл, благородная ветвь Капанея.
Гневно и их порицал повелитель мужей Агамемнон;
Он Диомеду сказал, устремляя крылатые речи:
370 «Мужа бесстрашного сын, укротителя коней Тидея,
Что ты стоишь, трепеща, и глазеешь на поле сраженья?
Так трепетать у отца твоего не в обычае было;
Пред дружиной всегда шёл он первым сражаться с врагами.
Сам я не видел, в боях не участвовал я с браноносцем;
375 Но те, кто видели, всех, говорят, превышал он геройством.
Некогда он, – не с войной, а как гость, – появился в Микенах.
Там с Полиником они богоравным войска собирали,
Чтобы войною пойти на священные Фивы. Просили
И у микенян, чтоб те им союзников дали надёжных.
380 Те согласились сперва дать союзников, просьбу исполнив;
Но их от этого Зевс отвратил явью знамений грозных.
Вышли вожди из Микен и ни с чем поспешили обратно.
Вскоре достигли они берегов густозлачных Асóпа.
В Фивы оттуда послом аргивяне послали Тидея.
385 В Фивы Тидей и пришёл, и увидел там многих кадмеян.
Те пировали как раз во дворце у царя Этеókла.
Там конеборец Тидей, хоть и был чужеземец, нисколько
Не испугался, один оказавшись средь многих кадмейцев.
На состязанья он их вызывал и во всех состязаньях
390 Очень легко победил. Помогала герою Афина.
Злобой к Тидею зажглись все кадмейцы, погонщики коней;
При возвращении ему подготовили тайно засаду;
Ждали его пятьдесят молодых ратоборцев в засаде,
С ними вожди их: Меóн Гемонíд, на бессмертных похожий,
395 И Ликофóн, славный сын Автофóна, в боях ненасытный.
Только Тидей и для них жесточайший конец приготовил;
Всех перебил их и дал одному лишь домой возвратиться:
Знаменью вечных богов покоряясь, не тронул Меона.
Так был воинствен Тидей этолиец! Но сына родил он,
400 Смелостью ниже себя, только лишь в празднословии выше».

Так он сказал. Диомед не ответил же, храбрый, ни слова,
Внемля с почтеньем укор от почтенного саном владыки.
Но возразил тут Сфенёл, славный сын Капанея героя:
«Нет, Агамемнон, не лги! Ведь прекрасно и правду ты знаешь!
405 Мы справедливо горды тем, что наших отцов мы храбрее:
Мы ведь разрушили град семивратный, престольные Фивы,
Воинство в меньшем числе приведя под Аресову стену,
Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.

Наши ж отцы лишь своим безрассудством себя погубили.
410 Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою нашей!»

Грозно взглянув на него, возразил Диомед благородный:
«Молча ты стой, Капанид! Моему повинуйся совету!
Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон
Дух побуждает на бой в ратях пышнопоножных данаев.
415 Славу ему воспоют, предводителю, если данайцы
Мошь одолеют троян, Илион завоюют священный;
Но и бесчестье – ему, если те одолеют данайцев.
Так устремимся же в бой! Вспомним нашу кипящую храбрость!»

Это сказав, тут же он с колесницы с оружием спрыгнул.
420 Страшно забряцала медь на груди у царя Диомеда.
В бой полетел он, да так, что храбрейшего обнял бы ужас.

Словно на брег морской быстро катятся шумные волны,
Бьются, грядя за грядой, подгоняемы буйным Зефиром;
В море сначала они вырастают, а после, нахлынув,
425 С громом на берег летят и дробятся, и выше утесов
Плещут унылые, и бурно брызжут солёную пену, —
Так непрестанно одна за другою фаланги данаев
В бой устремились. И им их вожди отдают приказанья.
Воины ж молча идут. И, увидев то, всякий спросил бы:
430 Столько народа молчит, есть ли голос у этой громады?
Молча шагают бойцы, подчиняясь начальникам. Ярко
Медь на доспехах блестит, словно солнце, на стройных шеренгах.
Ну а трояне вперёд шли, крича, словно овцы в овчарне
Мужа богатого, где их десятками доят, а овцы
435 Блеют и блеют всегда, тем на голос ягнят отзываясь, -
Крики такие неслись по великим троянским дружинам.
Крики и речи у них не у всех одинаковы были,
Так как различен язык был у разных народов союзных.
В бой вёл троянцев Арёс, а данаев – Паллада Афина,
440 Ужас насильственный, Страх и безумная Распря-Эрида,
Грозного бога войны, мужегубца Ареса сестрица:
Малой вначале она пресмыкается; после же быстро
В небо уйдёт головой, а ступнями по полю шагает.
Распря, на гибель дружин, буйно сеяла ярость меж армий,
445 Рыща по толпам кругом, умирающих стон чтоб умножить.

Вот и сошлись, наконец, друг на друга идущие рати.
Разом столкнулись щиты, что из кожи, и копыя и силы
Меднодоспешных мужей; сшиблись выпуклобляшные разом
В меди блестящей щиты; всюду гром разразился ужасный.
450 Крики победные и стоны смертные вместе смешались
Гибнущих воинов и убивающих. Кровь заручилась,
Словно бы вдруг две реки полноводные, с гор низвергаясь,
Обе в долину одну свои бурные воды сливают,

Шумный покинув исток, обе в пропасть пучинную льются;
455 Шум их далёко пастух слышит, стоя на горном утёсе, —
Так от сражавшихся гром разносился, и крики, и ужас.

Первым тогда Антилох поразил у троян браноносца
Храброго, в первых рядах, Фализиеву ветвь, Эхепола.
Быстро ударив его прямо в бляху косматого шлема,
460 Лоб у него он пронзил, и вошло медноострое жало
В череп его глубоко. Тьма покрыла глаза Эхепола.
Башней высокою он рухнул наземь средь схватки могучей.
Элефенор сильный царь, грозный вождь крепких духом абантов,
Сын Халкодона, схватил тело павшего за ноги крепко,
465 И поволок из-под стрел, чтоб как можно скорее с троянца
Латы сорвать. Но его продолжалась забота не долго.
Влекшего труп усмотрел Агенор, крепкодушный воитель,
И при наклоне его в бок, у края щита обнажённый,
Дротиком медным пронзил и могучего крепость разрушил.
470 Он ещё дух испускал, а уж битва опять разгорелась, —
Яростный бой меж троян и ахейн. Как волки, бросались
Яро одни на других. Человек с человеком сражался.

Тут Теламонидом вмиг поражен был сын Анфемидона,
Жизнью цветущий, герой Симоисий. А некогда с Иды
475 Мать его вместе с роднёй вниз спустилась, стада чтоб проверить.
Там она и родила на зелёных берегах Симоиса:
Мальчик, родившийся там, наречен Симоисием. Только
За воспитание он не воздаст уж родителям. Краток
Был его век, пресечён он копьём Теламонова сына.
480 Он устремлялся вперёд, как его поразил Теламонид
В грудь, чуть ни в правый сосок. Сквозь плечо сзади вышло наружу
Жало копья. И упал Симоисий на землю, как тополь,
Что на широком лугу влажном вырос без всякой печали,
Ровен и чист, на одной лишь вершине раскинувший ветви.
485 Тополь, который срубил колесничник железом блестящим,
Чтобы в колеса его для прекрасной согнуть колесницы, —
В прахе лежит у реки на родном берегу, засыхает.
Так Симоисий лежал молодой и лишённый доспехов
Мощным Аяксом. А тут вдруг Антиф Приамид пёстролатный
490 Пику в Аякса метнул, сквозь толпу в него метясь, однако
Он промахнулся, попав в Одиссеева доброго друга,
Лёвку попал прямо в пах; тот тащил чьё-то мертвое тело;
Вырвалось тело из рук, и упал он близ мёртвого мёртвый.
Гневом герой Одиссей вспылал за убитого друга;
495 Вышел он всех впереди, облечённый сверкающей медью;
К телу приблизился, встал, огляделся, и с силою мощной
Бросил блестящий свой дрот. Отступили враги от удара
Мужа могучего, но он свой дрот не напрасно отправил:
В Демокоона попал он, в побочного сына Приама,
500 Что из Абида пришёл в дом Приама, с земли конских пастбищ.

Дротом его Лаэртид, раздражённый за друга, ударил
Прямо в висок, и с другой стороны сквозь висок просверкнуло
Дрота его остриё; и глаза Приамида закрылись.
Грянулся на землю он, и доспехи на нём загремели.
505 Вспять и передних ряды подались, и божественный Гектор.
Радостно громко вскричав, тут ахейцы, себе взяв убитых,
Ринулись прямо вперёд, пробиваясь. На них, негодуя
Смотрит с Пергамских высот Аполлон, он воскликнул троянам:
«Всадники Трои, вперед! Не сдавайте вы бранного поля
510 Гордым ахейцам; у них грудь – не камень, тела – не железо,
Чтобы смертельная медь их телам не несла поражение!
И не свирепствует здесь Ахиллес быстроногий сегодня:
У кораблей он свой гнев, сокрушительный сердцу, питает».

Так из Пергама гремел на троян гневный бог. А ахейцев
515 К бою звала Зевса дочь, Тритогения, дух возбуждая,
Быстро по толпам носясь, где медлительных в битве увидит.

Тут оковала судьба Амаринкова сына, Диора:
Камнем он был поражён рукомётным, жестокозубристым,
В правую голень его поразил предводитель фракийян,
520 Пирос герой, Имбрасид, к Илиону из Эны притёкший.
И сухожилья, и кость раздробил совершенно Диору
Камень бесстыдный. И вот, пошатнувшись, упал Амаринкид,
Руки дрожащие он простирает к друзьям своим милым,
Дрогнувший духом. А тут налетел поразивший фракиец,
525 Пирос могучий. В живот он вонзил ему пику. На землю
Вылилась внутренность вся. Мрак глаза у Диора окутал.

Пироса бурного в грудь пикой ранил Фоас этолиец
Выше соска, и прошла прямо в лёгкое острая пика.
Быстро к нему подбежав, этолиец могучую пику
530 Вырвал из рёбер и, меч обнажив изошрённый, ударил
Пироса прямо в живот посредине, и душу исторгнул.
Снять же доспехов не смог: обступали героя фракийцы,
Мужи чубастые, вмиг копья острые грозно уставив.
Сколь ни огромен он был, сколь ни крепок и мужеством славен,
535 Ими был прогнан Фоас, он назад отступил перед силой.
Так, распростёршись в пыли окровавленной, рядом лежали
Оба отважных вождя: и фракиян лихих, и эпеев.
Много вокруг и других там лежало бесстрашных героев.

Дело такое ругать настоящий мужчина не стал бы,
540 Если б не раненный он острою медью, совсем невредимый
В гуще сражения был под защитой Афины Паллады,
Силой её предводим и от ярости стрел охраняем.
Много в тот день полегло и троян, и могучих данаев;
Пали в кровавую пыль, и лежат они друг возле друга.

Песнь пятая. Подвиги Диомеда

Сыну Тидея, вождю Диомеду, в то время Афина
Силу и смелость дала, чтоб его отличить среди прочих
Аргоса славных сынов и стяжать ему громкую славу.
Вечный огонь на щите и на шлеме его запалила,
5 Блеском, подобным звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарней горит, выйдя чистой из волн Океана.
Голову, плечи его всё таким же огнём осветила
И устремила туда, где всех жарче кипело сражение.

В Трое жил Дарес старик, непорочный жрец бога Гефеста,
10 Славой, богатством велик, и два сына у Дареса было:
Храбрый Фегес и Идей, оба в битвах различных искусны.
Оба они, отделясь от своих, понеслись на Тидида;
Оба на быстрых конях, в колеснице на пешего мчались.
Пешим на них Диомед устремился. Лишь стали сближаться,
15 Первым троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Близко над левым плечом Диомеда, блестящая жалом,
Медь пронеслась, не задев. И тогда Диомед копьеборец
Бросил копье, и оно не напрасно из рук излетело:
В грудь меж сосков поразил он Фегеса и сбил с колесницы.
20 Спрыгнул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив,
В трепете сердца не смел брата труп защитить от позора.
Он бы и сам не ушёл от грозящего, чёрного рока,
Если б Гефест не забрал его с поля, укрыв мраком ночи,
Чтобы не вовсе отец сокрушился печалью о детях.
25 А Диомед же коней изловил, грозный воин могучий,
Вверил дружине своей, чтоб угнали к судам многочисленным.
Были трояне бодры, но, увидев, что Дареса дети —
Тот устрашённый бежит, а другой с колесницы низвержен, —
Духом смутились войска. Тут богиня Паллада Афина,
30 Бурного бога войны за запястье взяла и сказала:
«Бурный Арес! Ты, людей истребитель и стен сокрушитель!
Кровью покрытый! Пора ль, нам оставить троян и ахеян
Драться одних? Пусть Кронид промыслитель им славу присудит.
Мы ж с поля боя уйдём, чтобы Зевсова гнева избегнуть».

35 Так говоря, увела из сражения буйного бога
И посадила его на крутом берегу над Скамандром.
Гордых троян отразив, каждый вождь из данаев низвергнул
По браноносцу троян; первым был грозный царь Агамемнон,
Мощного Одия сбив с колесницы, вождя гализонов:
40 Первому пику ему, обращённому в бег, Агамемнон
В спину вогнал между плеч и сквозь грудь её выгнал наружу.
С шумом на землю упал, загремевший доспехами Одий.

Идоменей поразил меонийца, рождённого Бором,

Феста, что к Трое притёк из страны плодоносной, из Тарны.
45 Идомений Девкалид копьеборец копьём длиннотенным
В правое ранил плечо, в колесницу всходившего Феста:
Тот с колесницы упал, оказалась смертельной рана.
Быстро раздели его Девкалида царя ратоборцы.

Там же Скамандрий Строфид, молодой зверолов преискусный,
50 Пикой из ясеня был поражён Менелаем Атридом.
Сам он был славным стрелком, был обучен самой Артемидой,
Метко он бил всех зверей, диких чащ и просторов питомцев;
Всё же его не спасла от беды ни сама Артемида,
И ни искусство её, чем гордился стрелец дальнометкий.
55 Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко бежавшего прочь, своей острой из ясеня пикой
В спину меж плеч поразил и сквозь грудь пику выгнал наружу.
Грянулся юноша в пыль, зазвучали на павшем доспехи.

Вождь Мерион поразил Тектонида Ферекла, который
60 Зодчим прекраснейшим был, его руки во всяком искусстве
Опытны были; его очень сильно любила Паллада;
Он и Парису суда многовёслые строил, что стало
Бедствий началом, конец предрекавшим, как всем илионцам,
Так и ему. Не постиг провиденья богов он всесильных.
65 Гнал его перед собой Мерион и, настигнув, ударил
Справа, чуть ниже спины; и копейное жало глубоко
Врезалось, прямо в пузырь, под лобковую костью застыло.
Пал на колени Ферекл с воплем страшным, и смерть свою принял.

Мегес Педея сразил, Антенорова храброго сына.
70 Хоть незаконным он был, но его воспитала Феана,
Как и законных детей, с нежной лаской, в угоду супругу.
Мегес Филид на него устремился, копейщик могучий,
Прямо в затылок его он ударил копьём изошрённым.
Между зубов пролетев, медь язык подсекла у Педея.
75 Грянулся в пыль он и медь смертоносную стиснул зубами.

Эвемонид Эврипил поразил Гипсенора героя,
Долопиона жреца ветвь почётную, старца, который
Бога Скамандра жрецом был, и сам он как бог почитался.
Перед собой увидав Гипсенора бегущего спину,
80 Быстро его Эврипил догоняет; мечом своим острым
Бьёт на бегу по плечу. И отсёк Гипсенору он руку.
Наземь упала рука, а чуть дальше упал и троянец,
Веки закрыли ему Смерть багровая, мощная Участь.

Так воевали вожди в этой мощной и пламенной битве.
85 Но Диомеда вождя не узнал бы ты. Где он вращался?
С кем воевал? Поражал он троян, иль своих же, – ахейан?
По полю бранному он реял, словно поток многоводный,

Бурный осенний разлив, что мосты рассыпает как хворост;
Бега его укротить ни мосты, укрепленные камнем,
90 И ни зеленых полей плодородных плотины, – не могут,
Если внезапный придет он, Кронида дождем отягченный;
Много разрушит вокруг он творений людей работающих.
Так от Тидида вокруг рассыпались густые фаланги
Трои сынов, устоять не могли, хоть и больше их было.

95 Вскоре увидел его славный отпрыск царя Ликаона,
Как, по равнине носясь, тот повсюду фаланги волнует;
Быстро тогда он свой лук со стрелой на Тидида направил,
В правое метаясь плечо, прямо в лату летевшего быстро.
Лату пробила насквозь и, вонзившись в плечо Диомеду,
100 Кровью броню оросив, легкокрылая в мышце застряла.
Громко воскликнул, гордясь, славный отпрыск царя Ликаона:
«Други, трояне, вперед! Ободритесь в бою, конеборцы!
Ранен аргивец стрелой! Я надеюсь, он долго не сможет
Драться с пернатой в плече. Это точно, как то, что под Трою
105 Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!»

Так он кричал, возносясь. Но героя стрела не смирила:
Он лишь чуть-чуть отступил, встал перед колесницей с конями,
К другу Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
«Друг Капанид, поспеши на мгновение сойти с колесницы,
110 Чтобы стрелу у меня из плеча горькожалую вынуть».

Так он сказал. И Сфенел соскочил с колесницы на землю,
Встал за спиной у него и стрелу из плеча его вынул.
Брызнула темная кровь сквозь кольчугу вождя Диомеда;
Громко взмолился тогда Диомед, грозный воин могучий:
115 «Непобедимая дочь громовержца, Афина, послушай!
Если ты мне и отцу помогать благосклонно любила
В брани пылающей, будь мне ещё благосклонной и нынче!
Дай мне настичь того и копейным ударом повергнуть,
Кто меня ранить успел и надменно друзьям предвещает,
120 Что мне недолго теперь видеть свет лучезарного солнца!»

Так восклицал он, молясь, и вняла его просьбам Афина.
Лёгкими сделала вмиг у героя и ноги и руки.
Близко к нему подошла, обращаясь с крылатою речью:
«Смело теперь, Диомед, выходи на сражение с врагами!
125 В грудь я вложила тебе дух отцовский и храбрость, какою
Славный наездник Тидей отличался, щита потрясатель.
Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне узнаешь легко ты и бога и смертного мужа.
Если увидишь, что бог вдруг, тебя искушая, предстанет,
130 Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
Кто б ни предстал. Но когда Зевса дочь Афродита предстанет
Перед тобою в бою, – острой медью рази Афродиту!»

Это сказав, отошла светлоокая дочь громовержца.
Сын же Тидея опять встал в передних ряды, чтоб сражаться.
135 Если и прежде горел он желанием биться с врагами,
Тут уж он втрое сильней, словно лев, распалился на битву.
Лев, что в степи у овец руноносных в ограде застигнут
Был пастухом и за то был им ранен, слегка, не смертельно.
Ярость лишь в нём пробудил этой раной пастух. И теперь уж
140 Сам в страхе спрятался в дом, бросив стадо. И мечутся овцы,
Жмутся к ограде, одни на других налегают в испуге;
Лев распалённый назад чрез высокую скачет ограду.
Так распалённый Тидид внутрь фаланги троянской ворвался.

Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора:
145 Первого в грудь у соска поразил медножальною пикой;
А у второго плечо отделил от хребта и от шеи,
Резко огромным мечом по плечу возле шеи ударив.
Бросив убитых, напал на Абаса с вождем Полиидом,
Старца гадателя снов Эвридама сынов. Им, однако ж,
150 Перед сраженьем отец не сумел разгадать сновидений.
Наземь поверг их Тидид многомогущный и снял с них доспехи.

После на Ксанфа пошёл и Фоона, на двух Фенопидов,
Фенопа поздних сынов. Разрушаемый старостью скорбной,
Тот не имел, кроме них, сыновей, чтоб наследство оставить.
155 Их же Тидид умертвил, он у братьев несчастных похитил
Сладкую жизнь; а отцу их оставил лишь слёзы и скорби.
Старец не обнял детей, возвратившихся с брани кровавой,
И всё наследство его меж собой разделили чужие.

Там же напал он на двух сыновей Дарданида Приама,
160 Что в колеснице одной были: Хромия и Эхемона.
Так же, как лев на коров нападает, пасущихся в роще,
И сокрушает, поймав, с силой шею бычку или тёлке, —
Так беспощадно Тидид с колесницы низверг Приамидов,
Как ни противились, — сбил и сорвал с поражённых доспехи.
165 Их же коней поручил отогнать к кораблям многоместным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских,
И сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья пошёл он,
Пандара всюду ища, не найдет ли, подобного богу.
Вскоре его он нашёл Ликаонова славного сына,
170 Встал перед ним и сказал, негодуя, в лицо ему глядя:
«Пандар! Ответь мне сейчас, где твой лук и крылатые стрелы?
Где твоя слава стрелка, что никто из троян не оспорил?
Даже ликиец тебя превзойти по стрельбе не гордился.
Руки ты к Зевсу воздень, и пусти ты пернатую в мужа,
175 Кто бы он ни был. Могуч, и погибели много принёс он
Ратям троянским. Гляди, многим сильным сломил он колена!

Может быть, он – это бог, на троянский народ раздражённый,
Гневный за жертвы? А гнев у богов – это гибель для смертных!»

Быстро Энею в ответ говорил славный сын Ликаонов:

180 «О, благородный Эней, и советник троян меднолатных!

На Диомеда похож, на Тидида тот воин могучий:

Щит я его узнаю, также, – шелом с дырооким забралом;

Вижу его я коней. Только бог ли то, верно не знаю.

Если же, как я сказал, он является сыном Тидея,

185 То не без бога тогда он свирепствует; есть покровитель

Верно, при нём; и стоит, свои плечи туманом окутав:

Бог от него и стрелу налетавшую быстро оттринул.

Я ведь в него уж стрелял и в плечо его правое ранил;

Лату доспеха его я стрелою пробил совершенно.

190 Я уповал уж тогда, что его я отправил к Аиду.

Но не отправил, он жив! Значит, тут не без промысла бога!

Нет здесь со мною коней, для сражения нет колесницы.

В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать, новых,

Пышно отделанных; и, для сохранности их, покрывала

195 Вкруг их висят; возле ж них двоярёмные кони, для каждой,

Смирно стоят и себя полбой и ячменём утучняют.

Нет, не напрасно меня наставлял, уходящего к Трое,

В доме родном мой отец Ликаон. Он, воинственный старец,

Мудро наказывал мне: ополчись на конях, в колеснице

200 Трои сынов предводи на побоищах, в бурных сраженьях.

Я не послушал отца, а ведь было бы то мне полезней.

Я лошадей пожалел, чтоб в стенах городских, возле дома

Им не нуждаться ни в чём и питаться роскошно, как прежде.

Дома оставил коней я и пешком пришёл к Илиону,

205 Твердо надеясь на лук. Но, как видно, он мне не помощник!

В двух знаменитых мужей я послал свои меткие стрелы:

В сына Атрея послал и в Тидеева сына. Обоих

Ранил и кровь их пролил, этим только сильнее их озлобил.

Видимо, злым был тот год и тот день, как и лук я, и стрелы

210 В доме родном со столба снял, решившись в веселую Трою

Войско к троянцам вести, угождая Приамову сыну.

Если назад я вернусь и своими глазами увижу

Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий, —

Голову пусть мне тогда иноземец враждебный отрубит,

215 Если я стрелы и лук этот в жаркое пламя не брошу,

В щепы его изломав: бесполезным мне спутником был он!»

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:

«Не говори так, мой друг Ликаонид! Не будет иначе

Прежде, чем мы ни войдём в колесницу вдвоём и, напротив

220 Встав перед мужем, его ни проверим оружием нашим.

Быстро идём же ко мне, ты войдёшь на мою колесницу,

Троса увидишь коней, как искусны они, как умеют

Быстро лететь хоть куда, и в погоне проворны, и в бегстве.

К городу нас унесут и спасут они, бурные, если
225 Зевс снова славу отдаст Диомеду, Тидееву сыну.
Ну, так идём же скорей; ты и бич, и блестящие вожжи,
В руки возмёшь, ну а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.
Или врага принимай на себя, я ж останусь с конями».

Быстро Энею в ответ говорил славный сын Ликаонов:
230 «Лучше уж вожжи держи ты, и сам правь своими конями:
Прытче они понесут колесницу с привычным возницей,
Если мы вдруг побежим перед мощным Тидеевым сыном.
Или они, оробев, что знакомого крика не слышат,
Могут замяться и нас с поля боя помчать неохотно,
235 Тут и настигнет Тидид нас обоих и сразу прикончит,
И знаменитых коней заберёт он себе, дерзновенный.
Лучше ты сам управляй колесницей своей и конями,
Я же, как он налетит, изостренным копьем его встречу».

Так сговорились. Вдвоём на блистательной встав колеснице,
240 На Диомеда они вскачь пустили коней быстроногих.
Тут усмотрел их Сфенел, знаменитейший сын Капанея;
Сразу крылатую речь устремляет он к сыну Тидея:
«Храбрый Тидид Диомед! О, мой друг, драгоценнейший сердцу!
Виджу могучих мужей, налетающих биться с тобою!
245 Неизмерима их мощь: первый – это стрелок знаменитый
Пандар, он горд тем, что он Ликаона ликийского отрасль;
С ним же – троянец Эней, сын добрейшего мужа Анхиза,
Матерью ж милой своей называет Эней Афродиту.
Встань в колесницу, назад мы отступим; ты так не свирепствуй,
250 Между передних дерясь: жизнь тогда ты свою не погубишь!»

Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
«Смолкни! О бегстве молчи! И к нему ты меня не преклонишь!
Знай, не в породе моей отступать из сраженья любого,
Или скрываться как трус! Нет, крепка у меня еще сила!
255 Даже не хочется мне в колесницу всходить; так, как видишь,
Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина.
Их в колеснице своей уж не вынесут кони обратно;
Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся покуда.
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
260 Ежели мудрая мне Тритогея славу дарует
Этих двоих поразить, то своих ты коней быстроногих
Здесь удержи, затянув вожжи им за скобу колесницы;
Сам, не забудь, Капанид, на коней ты Энеевых бросься
И от троян их гони к ополчениям храбрых данаев.
265 Коня его из коней той породы, которой Кронион
Тросу за сына его заплатил, за юнца Ганимеда;
Лучших коней ты нигде не найдёшь под авророй и солнцем.
Этой породы себе тайно у царя Лаомедона
Взял добродушный Анхиз, подослав кобылиц своих тихо:

270 Шесть жеребцов родилось той породы в конюшне Анхиза.
Он, четырех удержал при себе, воспитал их у яслей;
Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
Если коней тех возьмём, то стяжаем великую славу!»

А в это время, пока совещались герои взаимно,
275 Близко враги принеслись, погоняя коней своих бурных.
Первым блистательный сын Ликаонов воскликнул Тидиду:
«Пламенный сердцем Тидид, сын Тидея воинственный, славный!
Быстрой пернатой стрелой моей горькой, смотрю, ты не сломлен.
Ну, так я пикой сейчас испытаю тебя: не верней ли!»

280 Это сказав, он сотряс и послал длиннотенную пику,
И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
Острая медь пронеслась и в броню его стукнула звучно.

Радуюсь, громко вскричал тут блистательный сын Ликаона:
«Ранен ты в пах и насквозь! И теперь, я надеюсь, не долго
285 Будешь страдать! Наконец даровал ты мне светлую славу!»

Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
«Зряшный удар! Не попал! Но теперь, я надеюсь, вы оба
Не отдохнете, пока здесь один из вас мёртвым не ляжет
Кровью насытит своей ненасытного бранью Ареса!»

290 Так он сказал и метнул. И Афина направила пику
Пандару в нос между глаз. Тот нагнулся, – сквозь нос и сквозь зубы
Пика прошла, и язык отсекла острой медью у корня,
И, остриём просверкнув, замерла у него в подбородке.
Он с колесницы упал, и доспехи на нём зазвенели,
295 Пёстроблестящие. И даже кони отпрянули в страхе
Быстрые тросские. Так потерял Пандар душу и силу.

Спрыгнул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
В страхе за Пандара труп, чтоб его не забрали ахейцы.
Он возле трупа ходил, словно лев, свою мощь сознающий;
300 Грозно вперёд выставял он свой щит круговидный и пику.
Криком ужасным грозил он у каждого душу исторгнуть,
Кто б ни приблизился. Но камень поднял с земли сын Тидеев,
Страшно тяжёлый, какой не подняли б и два человека
Ныне живущих; но он взял одной лишь рукой, размахнулся,
305 И этим камнем в бедро угодил он Энею, где ляжка
В тазовый входит сустав, именуемый чашкой. И камень
Чашку совсем раздробил, разорвал на бедре сухожилия,
Также и кожу сорвал у героя. Эней поражённый
Пал на колено вперёд; и, шатаясь, могучей рукою
310 В землю упёрся. И взгляд его чёрная ночь осенила.

Тут бы Эней и погиб, предводитель народа, когда бы

Милая Зевсова дочь Афродита за ним не следила,
Мать, что его родила с пастухом, славным юным Анхизом.
Милого сына она обвила белоснежной рукою,
315 Ткани одежды своей перед ним распростерла блестящей,
Кроя от вражеских стрел, чтоб какой-либо конник данайский
Медью его не пронзил и души у него не исторгнул.
Так на руках понесла мать любезного сына из боя.

Сын Капанея Сфенел между тем не забыл наставлений,
320 Тех, что Тидид ему дал, о конях говоря быстrolётных.
Он звонконогих своих лошадей чуть подальше поставил
От буйной битвы, бразды затянув за скобу колесницы.
Сам же скорей полетел он к коням пышногривым Энея
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
325 Их Деипилу отдал, – в сонме сверстников этого друга
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных, -
Гнать повелел к кораблям мореходным. А сам же, бесстрашный,
Встав в колеснице своей и блестящие вожжи взяв в руки,
Пламенный вслед за царём Диомедом на конях понёсся.

330 Тот же Киприду теперь медью острой преследовал грозный,
Зная, что та – из богинь маломощных, не то, что другие,
Те, что войною живут, управляя сраженьями смертных,
Так, как Афина или как громящая грады Энио.
Вот он богиню догнал, прорываясь сквозь толпы густые.
335 Прямо нацелив копьё, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил, ранив вдруг кисть руки у богини.
Быстро копьё сквозь покров благовонный, Харитами тканый,
Нежную кожу прошло на ладони богини бессмертной.
Брызнула и полилась кровь бессмертная дивной богини,
340 Влага, какая течёт в венах жителей неба счастливых,
Так как людскую еду и от гроздьев вина не вкушают;
Вот и бескровны они, и бессмертными их называют.
Громко богиня вскричав, сына выронила из объятий;
На руки быстро его подхватил Аполлон сребролукий,
345 Облаком чёрным покрыв, чтоб какой-нибудь конник данайский
Медью его не пронзил и души у него не исторгнул.

Грозно меж тем закричал на богиню Тидид предводитель:
«Скройся же, Зевсова дочь! Удалились от войны и убийства!
Иль не довольно тебе обольщать слабых жён, если смеешь
350 В битвы соваться, в бои средь мужей? Уж теперь, я надеюсь,
Ты ужаснёшься, когда о сражении только услышишь!»

Так он сказал. И она удалилась со скорбью глубокой.
Быстро Ирида её с поля боя выводит с поддержкой
И в помрачении чувств от страданий, с померкнувшим телом.
355 Слева от битвы она вскоре бога Ареса находит;
Там он сидел, но копьё и бессмертные кони Ареса

Мраком укрыты. Упав на колени, любезного брата
Нежно молила она одолжить ей коней златосбруйных:
«Милый мой брат, помоги, дай коней мне своих с колесницей,
360 Только Олимпа достичь мне, жилища богов безмятежных.
Очень уж рана болит у меня; смертный муж меня ранил,
Храбрый Тидид Диомед, что готов даже с Зевсом сразиться!»

Так говорит. И Арес отдаёт ей коней златосбруйных.
И в колесницу взошла Афродита со скорбью на сердце;
365 С ней и Ирида взошла и бразды взяла в правую руку,
Лёгких стегнула коней. Полетели послушные кони;
Быстро достигли они на Олимпе жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса,
Их распрягла, а затем предложила амброзию в пищу.
370 Ну а Киприда в слезах, плача, пала к коленям Дионы,
Матери милой своей. Мать в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала её, утешая, и так говорила:
«Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, словно ты зло какое свершила открыто?»

375 Плача, ответила ей Афродита, владычица смеха:
«Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный.
Ранил за то, что унести я хотела из боя Энея,
Милого сына. Ведь он в этом мире любезней всего мне.
Нынче уже не троян и ахейн свирепствует битва;
380 Нынче с богами ведут бой данайские гордые мужи!»

Так ей почтенная мать отвечала Диона на это:
«Перетерпи, моя дочь, ободрись, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей пострадали бессмертные боги.
Беды друг другу, увы, мы взаимно устраивать рады.
385 Много Арес пострадал. Ведь его Эфиалтес и Отос,
Два Алоида, больших великана, цепями сковали
Страшными: так и сидел год и месяц он в медной темнице.
Верно бы там и погиб бог Арес, ненасытный войною,
Если бы мачехой их, Эрибеей прекрасной, об этом
390 Не был Гермес извещён тайно. Он из темницы похитил
Ловко Ареса, уже страшной цепью лишенного силы.
Гера страдала. Ведь ей мощный сын мужа Амфитриона
Горькой трезубой стрелой угодил прямо в грудь, сильно ранив.
Страшная, лютая боль безотрадная Геру терзала!
395 Даже Аид пострадал, меж богами ужасный, от раны.
Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Аида,
Ранил стрелой у ворот возле мёртвых, в страдания свергнув.
В дом Эгиоха взлетел, на высокий Олимп тут вознёсся,
Сердцем печальный Аид, роковою терзаем стрелою:
400 В мощном плече у него та торчала и мучила душу.
Бога лекарством Пеан, утоляющим боли, осыпал,
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.

Дерзкий тот смертный, увы, не страшась совершал злодеянья!
Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!
405 Этого ж против тебя подстрекала Паллада Афина.
Муж безрассудный! Тидид дерзновенный, – не ведает, глупый,
Что коротка жизнь у тех, кто с богами решил потягаться.
Дети не сядут к нему на колени, отцом не поκληчут,
В дом свой вернётся когда он героем с войны многосмертной.
410 Пусть же пока Диомед, невзирая на гордую силу,
Мыслит, что с ним кто иной, и сильнее тебя, не сразится;
И дочь Адраста царя, добродушная Эгиалея,
Воплем полночным своим ото сна не разбудит домашних,
В грусти о муже своём, о храбрейшем герое ахейском,
415 Верная сердцем жена Диомеда, смирителя коней».

Так говоря, на руке ей бессмертную кровь вытирала.
Тяжкая боль унялась, и внезапно рука исцелилась.

Тайно то видели всё и Паллада Афина, и Гера.
Речью язвительной гнев возбуждали они у Кронида;
420 Первою речь начала светлоокая дева Афина:
«Зевс, наш могучий отец, не гневись на слова, что скажу я?
Верно, Киприда опять из ахеенок новую деву
К Трои сынам привела, беспредельно богине любезным?
И, может быть, что она, деву в пышной одежде лаская,
425 Пряжкой себе золотой поцарапала нежную руку?»

Так говорила. Отец и людей, и богов улыбнулся,
Тут же призвав дочь к себе, так сказал золотой Афродите:
«Милая дочь! Не тебе заповеданы шумные войны.
Лучше делами займись ты приятными сладостных браков.
430 Ну а войной пусть Арес заправляет с Палладой Афиной».

Так меж собою вели разговоры бессмертные боги.
Этой порой Диомед на Энея напал нестрашимый,
Зная, что сам Аполлон покрывает Анхизова сына.
Бога могучего он не страшился: желал непрестанно
435 Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.
Трижды Тидид нападал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды в блистательный щит Аполлон ударял Диомеду;
Но, лишь в четвертый раз он налетел, словно демон, ужасный,
Голосом грозным ему загремел Аполлон дальновержец:
440 «В разум приди! Отступи и не думай равняться с богами,
Гордый Тидид! Никогда не увидишь ты равенства между
Племенем сильных богов и по праху влачащихся смертных!»

Так он сказал. И назад Диомед отступил ненамного,
Гнев не желая навлечь стреловержца разящего, Феба.
445 Феб же Энея унёс от беды, положив аккуратно
В храме своём, что ему на священном Пергаме воздвигнут.

В дивном святилище том превеликом охотница Феба
С дочерью Летой и мощь, и красу возвращали Энею.
А Аполлон между тем сотворяет обманчивый призрак —
450 Образ Энея живой, и оружием схож, и доспехом.
Около призрака тут и троянцев и храбрых данаев
Сшиблись ряды, на груди разбивая воловые кожи
Пышных и круглых щитов, и крылатых щитков легкометных.
К богу Аресу тогда обращается Феб дальновержец:
455 «Бурный Арес, бог войны, мужегубец и стен разрушитель!
Разве не хочешь убраться с поля боя героя Тидида,
Воина дерзкого? Он ведь готов даже с Зевсом сразиться!
Прежде копьем поразил он богиню Киприду в запястье;
Тут на меня самого устремился ужасный, как демон!»

460 Это сказал и воссел Аполлон на вершинах Пергама.
Ну а свирепый Арес поспешил дух поднять у троянцев,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
Громко к Приама сынам, он воззвал, гордым Зевса питомцам:
«Эй, вы, Приама сыны, столь хранимого Зевсом владыки!
465 Долго ль троян убивать вы ещё разрешите аргивцам?
Ждёте пока мы начнём у ворот Илиона сражаться?
Воин повержен у нас, почитавшийся так же, как Гектор, —
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Ринемся в бой и спасём благородного друга от смерти!»

470 Так говоря, возбудил он и силу, и мужество в каждом.
Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:
«Гектор, куда у тебя подевалась бывалая храбрость?
Ты говорил, что один, без народов, без ратей союзных
Город спасешь, взяв зятьёв лишь да братьев. Так, где ж твои братья?
475 Здесь ни единого я не могу ни увидеть, ни встретить.
Прячутся, верно, они от сражений, как псы, льва увидев!
Мы же сражаемся здесь, чужеземцы, пришедшие в помощь!
Также сражаюсь и я, ваш союзник, придя издалёка!
Так как Ликия моя по течению Ксанфа — не близко.
480 Там я оставил жену дорогую и сына-младенца,
Также — немало богатств, на которые всякий польстится.
Но, невзирая на то, предвожу ликийян, и готов я
В бой с Диомедом вступить, ничего не имея в Троаде,
Что бы могли у меня отобрать как трофеем аргивяне.
485 Ты ж — неподвижно стоишь и других не бодрить ополчений
Храбро сражаться, и жён и детей защищая троянских.
Гектор, смотри, как бы все вы, объятые страхом, как сетью,
Для разъяренных врагов вдруг не стали бы лёгкой добычей!
Скоро разрушат тогда супостаты прекрасный ваш город!
490 Должен заботиться ты о делах этих денно и ночью,
Должен просить воевод иноземных союзников ваших,
Бой непрестанно вести, а угрозы-упреки — оставить».

Так говорил Сарпедон. Сердце Гектора тем уязвил он:
Быстро на землю герой с колесницы с оружием прыгнул
495 И по дружинам кругом полетел, лес из копий колыша,
В бой распалая сердца. И возжег он жестокою сечу!
Вновь развернулись к врагу, встав лицом к аргивянам, трояне.
Те же, сомкнув лишь ряды, ожидали врагов, не робея.

Как ветер плевел несёт, рассевая по гумнам священным,
500 Где веют зёрна жнецы, где Деметра с кудрями златыми
Зёрна от плевел деля, возбуждает дыхание ветра,
Гумны под плевелом враз побелеют, – вот так аргивяне
Все с головы и до ног побелели под пылью, поднятой
Даже до медных небес от копыт их коней легконогих
505 В быстрых крутых виражах. Их возницы в бою направляли
Силою рук, прямо в лоб на врагов устремляя. Но мраком
Бурный Арес тут покрыл поле битвы, помочь чтоб троянам.
Он, по рядам их носясь, торопился исполнить заветы
Феба бессмертного. Феб заповедал Аресу немедля
510 Души троян возбудить, лишь узнал, что Паллада Афина
Бой оставляет, – оплот и защитница воинств ахейских.
Сам же Энея вождя из святилища пышного храма
Вывел и крепостью грудь у владыки народов наполнил.
Между друзей Анхизид встал величествен; все веселились
515 Видя, что он невредим, жив, здоров и блистает всей силой,
Стоя пред ними. Его ж ни о чём расспросить не успели;
Труд их заботил иной; труд, к которому звали их боги:
Феб сребролукий, Арес мужегубец и ярая Распря.

Тут воеводы Тидид, Одиссей, также оба Аякса
520 Ревностно к бою солдат побуждали ахейских. Ахейцы ж
Сами ни мощи троян не страшились, ни криков их грозных.
Молча стоят они, ждут, неподвижны как тучи Кронида
В тихий безветренный день, что на горных вершинах скопил он
Чёрные, и до поры неподвижные, так как все ветры
525 Дремлют, как дремлет Борей многомошный, что мрачные тучи
Шумным дыханьем своим вмиг рассыпал бы в небе широком.
Так ожидали троян неподвижно, бесстрашно данаи.
Царь Агамемнон летал по рядам, ободряя усердно:
«Будьте мужами, друзья, и возвысьтесь бестрепетным духом;
530 Воина воин пускай постыдится без подвигов драться!
Знающих воинский стыд, возвращается больше, чем гибнет!
Но беглецы не найдут ни спасенья себе и ни славы!»

Это сказав, он копьё своё бросил в переднего мужа,
В Деикоона, что был храбрым другом Энея, а также –
535 Сыном Пергаса, и чтим в Трое, как и сыны Дарданида:
Ревностен был он в войне и всегда между первых сражаться.
Грозным копьём ему в щит угодил Агамемнон могучий;
Щит был пробит, сквозь него совершенно копьё пробежало,

Пояс шикарный прошло и внизу живота задержалось.
540 С шумом на землю тот пал, и взгремели на павшем доспехи.

Тут же Эней Анхизид поразил из храбрейших данайцев
Двух Диоклеса сынов: Орсилоха с Крефоном. Отец их,
Благами жизни богат, жил в красиво устроенной Фере,
Род свой от бога он вёл, от Алфея, чьи воды широко
545 В землях пилийских текут. Бог Алфей породил Орсилоха,
Смертного мужа, царя, несчислимых мужей властелина;
Царь Орсилох породил Диоклеса, высокого духом;
А Диоклес породил сыновей-близнецов, что искусны
Стали в сраженьях любых: породил Орсилоха с Крефоном.
550 Оба они, возмужав,плыли в чёрных судах к Илиону
С войском ахейских мужей, к Трое гордой и славной конями,
В брани Атрея сынам, Агамемнону и Менелая,
Чести ища, но себе лишь печальную участь сыскали.
Будто бы два мощных льва, на вершинах возросшие горных,
555 В чаще дремучих лесов оба вскормлены матерью-львицей,
Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая,
И разоряя дворы у людей, до тех пор, пока сами
Замертво не упадут, ловчих острою медью убиты.
Так и они, близнецы, пораженные мощным Энеем,
560 Рухнули оба, – как львы, как высокие сосны, – на землю.

Это увидев, скорбел Менелай браноносный, он в гневе
Выступил дальше других, весь покрытый сверкающей медью,
Острым колебля копьём; сам Арес распалял ему душу
С помыслом тайным: чтоб он поражён был рукою Энея.
565 Но тут увидел его Антилох Несторид благородный,
Выступил сам он вперёд, опасаясь, чтоб пастырь народов
Не пострадал и плоды их трудов тяжких не уничтожил.
А в это время уже Менелай и Эней свои копья
Друг против друга подняв, воспылали желаньем сразиться.
570 Но подоспел Антилох, рядом встал с Менелаем Атридом.
Двух браноносцев Эней, друг за друга стоявших, увидев,
Драться уже не посмел, сколь ни пламенным воином был он.
Те же, убитых скорей оттащили к дружинам ахейским,
И возвратили друзьям опечаленным; там их оставив,
575 Сами вернулись назад и сражались с передними вместе.

Там Пилемена они, что Аресу подобен, повергли,
Грозных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонских.
Быстро его Менелай Атрейон, знаменитый копейщик,
Длинным копьём поразил прямо в шею, стоявшего против.
580 Вождь Антилох поразил Пилемена возницу – Мидона,
Отрасль Атимния, тот скакунов разворачивал бурных.
Камнем ему угодил он по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестя, пали прямо на пыльную землю.
Ринулся тут Антилох и мечом по виску его жажнул!

585 Тот, лишь вздохнув тяжело, с колесницы прекрасной свалился
Вниз головой он повис, упираясь на плечи и темя.
Так вверх ногами стоял он, в песок головой погрузившись,
Кони покуда, толкнув, опрокинули тело на землю,
Так как стегнул их бичом Антилох, чтоб угнать к аргивянам.

590 Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним понеслись и фаланги троянцев.
Их предводили Арес кровопивец с громающей Энио
Грозной, несущей с собой буйство боя, мятеж беспредельный.
В правой руке потрясал бог Арес преогромною пикой,
595 То выступал он вперёд, то за Гектором следом стремился.

Бога увидев, Тидид ужаснулся, могучий воитель.
Так по великой степи шедший долго неопытный путник
Вдруг перед быстрой рекой цепенеет, впадающей в море
С пеной кипящей; на миг он, смутившись, назад отступает, —
600 Так отступил Диомед и немедля воскликнул к народу:
«Что ж мы дивимся, друзья, что сегодня божественный Гектор
Стал дерзновенным бойцом, копьеборцем славнейшим в сраженьи?
С ним непрестанно идёт бог войны, отражающий гибель!
С ним и теперь он – Арес, только в образе смертного мужа!
605 С поля отступим, друзья, не спеша и лицом к супостатам!
Биться с богами нельзя. С ними вы не рискуйте сражаться!»

Так он сказал. Но уже близко к ним подступили троянцы.
Гектор поверг сразу двух ратоборцев, испытанных в битвах,
Те в колеснице одной находились: Менесф с Анхиалом.
610 Это увидев, скорбел о погибших Аякс Теламонид;
К ним подступил он стеной и, послав свой сверкающий дротик,
Сына Селага он сверг сразу, Амфия, что жил средь Песа,
Что и богатства имел и поля; но судьба Селагида
В эту войну вовлекла, постоять за Приама и Трою.
615 В пояс его поразил Теламонид Аякс многомогущий;
В нижнюю часть живота пробуравился дротик огромный.
Амфий тут с шумом упал, а Аякс подбежал, победитель
Жадный, доспехи совлечь. Но посыпались, ярко сверкая,
Острые копья троян. Стал как ёж щит Аякса от копий.
620 Он же, ногой наступив на сраженного, дротик свой медный
Вырвал; но только других не успел драгоценных доспехов
С плеч Селагида сорвать: острым ливнем посыпались стрелы.
И в окружении троян он один побоялся остаться.
Много их, мощных, лихих, наступало, лес копий щетиня.
625 Сколь ни огромен он был, сколько был ни могуч и ни славен,
Прочь отогнали его. И Аякс отступил перед силой.

Так браноносцы вожди в этой пламенной битве сражались.
Той же порой Тлиполем Гераклид, и огромный, и сильный,
Злою судьбой был сведен с Сарпедоном божественным в битву.

630 Чуть лишь герои сошлись друг на друга, чтоб в битве сразиться,
Первым из них Тлиполем Гераклид, промыслителя Зевса
Сын знаменитый и внук, к супротивнику так обратился:
«Ликий царь Сарпедон! Ну какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать? Ты ведь – муж незнакомый с войною!
635 Лжец, кто прославил тебя как рождённого Зевсом великим!
Нет, несравнимо ты мал пред великими Зевса сынами,
Что между древних племен людей смертных родились от Зевса;
И каковым, говорят, был родитель мой: сила Геракла –
Сила великая, он – дерзновеннейший, львиное сердце!
640 Некогда прибыл сюда, чтоб взыскать коней с Лаомедона,
Лишь на шести кораблях и с дружиной значительно меньшей,
Град Илион разгромил и пустынными улицы сделал!
Ты же – и робок душой, и народ свой ведёшь на погибель!
Нет, я надеюсь, что ты для троян обороной не будешь.
645 Ликийю бросил свою ты напрасно. В стократ будь сильнее ты,
Всё же, сражённый сейчас мной, пойдёшь ты к воротам Аида!»

Ликий царь Сарпедон Тлиполему ответил немедля:
«Так, Тлиполем, – но Геракл разорил Илион знаменитый,
Чтобы безумство царя покарать, лживость Лаомедона.
650 Царь ведь ему за добро злом ответил: и словом озлобил,
Да и коней не отдал, для которых тот шёл издалёка.
Что ж до тебя, Тлиполем, я тебе предвещаю погибель:
Примешь ты смерть от копья моего и даруешь мне славу;
Душу – Аиду отдашь, что конями своими гордится».

655 Так говорил Сарпедон. Тут, сотрясши, из ясеня пику
Быстро метнул Тлиполем. И противник копье своё тоже
Одновременно метнул. Угодил Сарпедон Гераклиду
В шею, и жало, насквозь пробежав, несмирённое вышло:
Тёмная ночь в тот же миг тут глаза Тлиполему покрыла.
660 Все же и сам Тлиполем по бедру угодил Сарпедону
Пикой огромной: прошло жало бурное быстро сквозь тело,
Стукнувшись в кость. Но отец от него отвращает погибель.

Тут Сарпедона друзья постарались скорее из битвы
Вынести; только его удручала огромная пика,
665 Что вслед за ним волоклась; но никто из друзей не подумал
Ясневой пики извлечь из бедра, – сам тогда он пошёл бы, –
Так суетились вокруг Сарпедона друзья торопливо.
А Тлиполема, блестя своей медью, данаи спешили
Вынести с поля. Его Одиссей знаменитый увидел,
670 Волею твердый, и в нём благородное вспыхнуло сердце.
Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли вдруг сына громом гремящего Зевса,
Иль, на ликийя напав, рядовых уничтожить побольше?
Но не ему суждено, – хитроумному сыну Лаэрта, –
675 Острою медью сразить многомогущего Зевсова сына.

Сердце его на народ рядовой обратила Паллада.
Там он, сражаясь, низверг Ноемона, Аластора, также
Хромия, Галия и сверг Алкандра, Керана, Притана.
Много убил бы ещё Одиссей знаменитый ликийян,
680 Если бы Гектор его шлемоблещущий вдруг не увидел:
Ринулся он сквозь толпу, весь покрытый сияющей медью,
Ужас данаям неся. Зевса сын Сарпедон, видя друга,
Возликовал, но ему он печально посетовал тут же:
«Гектор, не дай мне лежать, умоляю, добычей ахейн!
685 Друг, защити! И пускай лучше в городе дружеском вашем
Силы оставят меня. Не судила судьба мне, как вижу,
В дом возвратиться родной, в землю милую сердцу, в отчизну,
Чтобы обрадовать там и супругу, и юного сына!»

Так он сказал, но ему не ответил божественный Гектор,
690 Быстро пронёсся вперёд, нетерпением пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.
А в это время друзья Сарпедона его посадили
В поле, под буком большим Эгиоха, метателя молний.
Там из бедра у него извлекал длиннотенную пику
695 Сильный храбрец Пелагон, друг его, им особо любимый.
Дух испустил Сарпедон, и глаза его мглою покрылись.
Вскоре опять он вздохнул, и прохладный живительный ветер
Дух его вновь оживил, в грудь тяжёлую вдунув дыханье.

Рать аргивян между тем перед Гектором и пред Аресом,
700 Тесно фаланги сомкнув, к кораблям своим не побежала,
Но не бросалась и в бой. Рать, в лицо неприятелю глядя,
Лишь отступала, узнав, что Арес в ополчениях троянских.

Кто же был первым, и кто был последним, доспехи которых
Гектор могучий забрал, и Арес душегубец похитил?
705 Тевфрас, подобный богам, а потом и Орест конеборец,
И Энома́ос герой, также Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий красивопоясный,
В Гиле живущий, где он был богатства стяжателем страстным,
Около озера жил он Кефисского, где и другие
710 Семьи беотян живут, территорий богатых владельцы.

Но лишь увидела их белоплечая Гера богиня, –
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой, –
Быстро к Афине она обратилась со словом крылатым:
«Горе случилось, о, дочь необорная Зевса Кронида!
715 Словом напрасным с тобой обнадежили мы Менелая,
Что он вернётся домой разрушителем Трои высокой,
Если свирепствовать так дозволяем убийце Аресу!
Нет, устремимся же в бой, и помыслим о доблести сами!»

Так говорила, и с ней согласилась Афина Паллада.

720 Гера ж сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных,
Старшая между богинь, дочь великого сильного Крона.
У колесницы с боков Геба ставила гнутые круги
Медных колёс в восемь спиц, на железную ось их надела.
Обод нетленный у них, золотой; сверху обода – шины
725 Медные, плотно лежат. Посмотреть, так для глаз просто диво!
Ступицы их серебром, округлённые, пышно сияли.
Кузов держали ремни, что блестели нарядные ярко
Золотом и серебром; а на нём две скобы возвышались;
Дышло всё из серебра выходило из кузова; Геба
730 Вяжет на дышло ярмо золотое, прекрасное; упряжь, –
Тоже из золота всю, – продевает. Тут быстро под упряжь
Гера подводит коней двух бессмертных, вся боем пылая.

В доме отца своего, Эгиоха, Афина в то время
Скинула тонкий покров, что сама же, соткав, украшала
735 Пышным узором, и он с плеч струёй на помост покатился.
Вместо отца своего облачилась броней громовержца,
Бранным доспехом его облеклась она, к бою готовясь.
Через плечо на груди укрепила эгиду с кистями
Пышными; Ужас вокруг от эгиды кружил страшноглазый:
740 Тут же – Погоня, Раздор и Могучесть, и Трепет бегущих;
Тут же – Горгоны лихой голова, чей чудовищный образ
Сердце страшит, – грозный знак то и знаменье Зевса Кронида!
Шлем золотой, что сверкал украшениями, четырехбляшный,
Гордо надела, он сто городов ратоборцев покрыл бы.
745 В пламенной встала она колеснице и вооружилась
Тяжким, огромным копьём, тем, которым ряды сокрушает
Сильных бойцов, если вдруг прогневят они дочь Эгиоха.

Гера немедля с кнутом налегла на коней быстроногих.
С громом разверзлись врата им небесные сами при Горах –
750 Стражах небесных – Олимп вверен им и великое небо,
Чтоб пред вратами смыкать или вновь разверзать туч громады.
В эти ворота коней, подстрекаемых, гнали богини.
Вскоре же Зевса царя одного от бессмертных далёко
Видят сидящим они на холме высочайшем Олимпа.
755 Там удержала коней белоплечая Гера богиня,
К Зевсу, бессмертных царю, сыну Крона она обратилась:
«Или не гневен ты, Зевс, на такие злодеяния Ареса?
Сколько мужей – и каких! – погубил он в народе ахейском,
Пользуясь властью своей! Я скорблю по ним; Феб же, напротив,
760 Вместе с Кипридой в душе веселятся спокойно; к сраженью
Лишь подстрекают они мужегубца Ареса, безумца.
Зевс, наш отец! На меня ты рассердишься, если Ареса
С поля заставлю уйти я ударом, быть может, жестоким?»

Гере немедля в ответ так сказал громоносный Кронион:
765 «Лучше Афины пошли на Ареса, богиню победы:

Больше привыкла она повергать его в тяжкие скорби».

Так он сказал, – и, ему покорясь, белоплечая Гера
Плетью хлестнула коней; полетели покорные кони,
Между землею паря и усеянным звёздами небом.
770 Взглядом своим человек охватить сколько может пространства,
Встав на дозорном холме, чтоб увидеть ширь мрачного моря, —
Столько одним лишь прыжком на скаку пронесут богокони.
К Трое они принесли, к рекам рядом текущим, в то место,
Где быстrokатный поток свой Скамандр с Симоисом сливают,
775 Там удержала коней белоплечая Гера богиня,
Быстро ярмо с них сняла, окружив коней облаком тёмным.
Сладкой амброзии им разостлал в пищу там Симоис бог.
Сами богини спешат, двум голубкам подобные робким,
Поступью легкой, горя побороться за славных данаев.
780 Прибыли к месту они, где мужей было много храбрейших
Вкруг Диомеда вождя, укротителя мощного коней:
Сонмы густые стоят, словно львы, пожиратели крови,
Или как вепри, чью мощь одолеть не легко и с оружием.
Там пред аргивцами встав, закричала великая Гера,
785 В образе Стентора, тот мужем мощным был, медноголосным,
Так он кричал, как кричат пятьдесят человек вместе разом:
«Стыдно, аргивцы! Презрен тот, кто воин достойный лишь с виду!
Прежде, когда с вами был в грозных битвах Пелид благородный,
Трои сыны никогда из Дарданских ворот не дерзали
790 Выступить: все лишь его сокрушительной пики боялись!
Нынче ж далёко от стен, пред судами, трояне воюют!»

Так возбудила она словом силу и мужество в каждом.
Той же порой подошла к Диомеду Паллада Афина.
Видит царя у своей колесницы: стоял близ коней он,
795 Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью.
Храброго пот изнурял под широким ремнем, щит держащим
Выпуклый: щит стал тяжёл, и рука у него цепенела.
Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.
Крикнула Зевсова дочь, наклонившись к ярму колесницы:
800 «Жаль, что Тидей произвёл не такого же сына как сам он!
Пусть ростом мал был Тидей, но по духу – воитель великий!
Я запрещала ему воевать иль бороться, герою,
Зная его бурный нрав, когда сам, лишь один от ахейян,
В Фивы он прибыл послом к многочисленным Кадма потомкам.
805 Я повелела ему пировать в их чертогах спокойно;
Только Тидей, как всегда, обладавший всем мужеством бурным,
Юных кадмеян к борьбе вызывал и в любых состязаньях
Всех их легко побеждал: я сама помогла ему в этом!
Так и тебе я всегда помогаю, всегда охраняю
810 И одобряю тебя с фригиянами весело биться;
Но либо слишком устал ты от подвигов доблестных, либо
Робость связала тебя беспощадная! А если так, то

Сын ли великого ты храбреца Инеида Тидея?»

Тут же Афине в ответ так сказал Диомед благородный:
815 «О! Узнаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
Искренне всё я тебе расскажу, ничего не укрою.
Нет, не усталость меня и не робость бездушная держат,
Но и заветы твои помню я, что ты мне завещала:
Ты мне велела сама не вступать ни с одним из блаженных
820 Жителей неба в борьбу, но когда Зевса дочь, Афродита,
В битву вмешается, то бить велела её острой медью.
Вот почему я и сам отступаю, и прочим аргивцам
Всем повелел отступать, чтобы здесь воедино собраться:
Вижу Ареса; он сам управляет гремящею битвой».

825 Снова сказала ему светлоокая дочь Эгиоха:
«О, сын Тидея, герой, воин, милый для сердца Афины!
Нет, ты теперь не страшись ни Ареса, ни бога другого
Сильного. Знай, я сама за тебя постою в этой битве!
Мужествуй, в бой на конях звуконогих лети на Ареса!
830 Смело сойдишь и рази, и не бойся свирепства и мести
Буйного бога, пусть он – зло само, вероломство и ярость!
Сам он недавно обет произнёс предо мною и Герой:
Против троян воевать, помогая ахейнам всюду.
Нынче ж стоит за троян, вероломный, ахейн оставив!»

835 Так говоря, согнала с колесницы Сфенела на землю:
Быстро рукой совлекла, – и покорный мгновенно он спрыгнул.
Тут же богиня сама в колесницу к Тидиду восходит,
Боем пылая; и ось застонала дубовая тяжко,
Дочь Громовержца подняв и Тидида, храбрейшего мужа.
840 Разом и кнут, и бразды захватив, вдруг Афина Паллада
Первая бурных коней устремила на бога Ареса.
Он в это время снимал с Перифаса доспехи; убитый
Был этолийцев вождем, сын Охезия славный и мощный,
Роста огромного был. Так трудился Арес. Тут Афина,
845 Чтоб стать незримой ему, шлем Аида надела, укрывшись.

Только увидел Арес душегуб Диомеда героя,
Тут же он бросил вождя Перифаса огромное тело,
Что распростёрто в пыли, там, где душу ему он исторгнул:
Быстро и прямо пошёл на Тидида, смирителя коней.
850 Чуть лишь герои сошлись друг на друга, чтоб в битве сразиться,
Первым ударил Арес: он над конским ярмом и вожжами
Медную пику послал, воспылав страстью душу исторгнуть.
Но ухватила рукой светлоокая дочь Эгиоха
Пикую и бросила вбок: пронеслась та, напрасная, мимо.
855 Тут на Ареса напал Диомед нестрашимый, потряс он
Медным копьем; и его устремила Паллада, направив
В пах под живот, где Арес опоясывал медную повязь.

Так Диомед поразил бога в пах и, назад копьё вырвав,
Плоть у него растерзал. И взревел тут Арес меднобронный
860 Страшно, как девять или десять тысяч воскликнули разом
Сильных мужей на войне, начинающих ярую битву.
В ужасе дрогнули все, – и дружины троян, и ахейцев;
Так заревел бог Арес, душегуб, ненасытный войною.

Так же, как свет весь угрюм, чёрен, мрачен под тучами видим,
865 Если неистовый вдруг знойный ветер задышит сурово, —
Взору Тидида таким показался, весь кровью покрытый
Медный Арес, в облаках восходивший к широкому небу.
Быстро взлетел на Олимп он, бессмертный, – к жилищу бессмертных.
Возле Кронида воссел опечаленный бог, мрачный, сникший,
870 Рану ему показал со струящейся кровью бессмертной,
Тяжко от боли стонал; Зевсу сетуя, так говорил он:
«Разве без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодеяства?
Что же мы, боги, всегда из-за замыслов друг против друга,
Беды лишь терпим да боль, да мученья, творя людям благо!
875 В негодовании все на тебя из-за дочери буйной,
Гибель несущей для всех, лишь с одними злодеяствами в мыслях!
Прочие боги, о, Зевс, сколь ни есть их на светлом Олимпе,
Все мы послушны тебе и готовы во всём покоряться.
Ты лишь её никогда не смиряешь ни словом, ни делом,
880 Вечно потворствуешь ей. Но зловредную дочь породил ты!
Ныне Тидида она, Диомеда, что горд и бесстрашен,
С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
Прежде Киприду копьём поразил он и ранил ей руку;
После с копьём на меня самого устремился, как демон!
885 Быстрые ноги меня лишь спасли, а иначе бы долго
Там я простёртый страдал, между страшными грудями трупов,
Или б совсем изнемог, под ударами гибельной меди!»

Грозно взглянув на него, отвечал громовержец Кронион:
«Смолкни! И рядом не вой! Перемётчик! Отступник обетов!
890 Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
Только тебе и милы вся вражда, да раздоры, да битвы!
Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
Думаю, ты и теперь пострадал от её же советов.
895 Дольше, однако, тебя я страдающим видеть не в силах:
Всё же ты – сын мне родной, от меня ты на свет появился.
Если б злотворный такой от другого ты бога родился,
Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!»

Это сказав, врачевать повелел его богу Пеану.
900 Рану лекарством Пеан, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничный сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший, —

С той же Пеан быстротой исцелил уязвлённого бога.
905 Геба омыла его, облачила красивой одеждой.
Он возле Зевса воссел, гордый честью и высшею славой.

Вновь возвратились тогда в дом великого Зевса Кронида
Гера Аргивская и вместе с Алалкомоной Афиной,
Как обуздали они душегуба, убийцу Ареса.

Песнь шестая. Свидание Гектора с Андромахой

Страшную битву троян и ахеян оставили боги.
Но продолжалась она, со свирепством носясь по долине.
С жаром то здесь, а то там люди копья метали друг в друга
Меж берегов бурных рек: Симоиса и дивного Ксанфа.

5 Тут Теламонид Аякс, – крепость меднодоспешных данаев, –
Первым фалангу прорвал у троян, ободрив всех просветом.
Он Акамаса сразил, ветвь Эвсора, храбрейшего мужа
В рати фракийской; тот был и по росту и силой – ужасен.
Первым ударил Аякс, поразив его в шлем коневласый;
10 Пика вошла тому в лоб, погрузив глубоко ему в череп
Медное жало своё. Тьма покрыла глаза Акамаса.

Там же Аксила поверг Диомед, грозный воин могучий,
Сына Тевфрасова. Тот жил в прекрасной и дивной Арисбе,
Благами жизни богат, был он добр и всем людям любезен;
15 Дружески всех принимал он в дому, что стоял у дороги.
Только никто из друзей тех его от беды не избавил,
Помощи не оказал. А за ним Диомед предводитель
Жизнь у Калезия взял, его лучшего друга, который
Правил конями. Они так и в землю сошли неразлучно.

20 Дреса убил Эвриал и Офелтия мощного сверг он,
И устремился затем на Эсэпа и Пédаса; нимфой
Абарбарéей они рождены были Буколиону,
Мужу прекрасному, он старшим сыном был Лаомедона,
Только не ведал отец, что он тайно, без брака рождённый.
25 Стал пастухом он, и там, возле стад своих с нимфой сошёлся,
Нимфа ему родила двух сынов-близнецов этих храбрых.
Их и убил Эвриал, славный сын Мекистея, и с юных
Плеч сокрушённых бойцов он сорвал боевые доспехи.

Там же, войною дыша, поразил Полипет Астиала;
30 Царь Одиссей поразил перкозийца Пидита, низринув
Медною пикой; а Тевкр – в битвах храброго Аретаона.
Нестора сын, Антилох, устремив свой сияющий дротик,
Аблера сверг; а Атрид Агамемнон, владыка, – Элата:
В городе Пédасе жил он высоком, что вырос на берегу
35 Светлой реки Сатнион. А бегущего Филака свергнул
Лéит герой; Эврипил тут, сразив, обнажил Меланфея.

Пойман живьём был Адраст копьеносным царём Менелаем.
Кони Адраста как раз понесли, испугавшись сраженья,
И о мириковый куст колесницу с разбега ударив,
40 Дышло её на конце раздробили, а сами помчались
К Трое, куда и других кони в страхе неслись от сраженья.

И от удара Адраст, с колесницы стремглав кувыркнулся
В землю лицом, к колесу. Тут над ним появился мгновенно
Сильный Атрид Менелай, занеся длиннотенную пику.
45 Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умолая:
«Жизнь мне даруй, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранит в отчем доме отец мой. Богат он
Золотом, медью, и есть много хитрых вещиц из железа.
С радостью даст он тебе за меня выкуп неисчислимый,
50 Если услышит, что я – у данаев в плену невредимый!»

Так говорил он, почти убедив Менелая Атрида;
Тот уж хотел поручить одному из своих подчинённых,
Чтобы отвёл к кораблям он Адраста, как вдруг Агамемнон,
То увидав, подбежал, закричал в гневе на Менелая:
55 «Слабый душой Менелай! Ты к троянам столь жалостлив нынче?!
В доме твоём не они ль дело славное сделали, помнишь?!
Чтобы никто из троян не ушёл от гибели черной!
Смерть им от нашей руки! И младенец, что мать ещё носит
Только в утробе своей, пусть погибнет! Пусть каждый живущий
60 В Трое погибнет! Они пусть исчезнут все без погребенья!»

Так Агамемнон сказав, изменил тем намеренье брата,
Правду напомнив ему. Менелай светлокудрый Адраста
Молча рукой оттолкнул, и в утробу ему Агамемнон
Пику вонзил. Тот упал навзничь замертво. Тут Агамемнон,
65 Ногу поставив на грудь, пику выдернул молча обратно.

Нестор меж тем аргивян возбуждал, им крича громогласно:
«Други, данаи! Бойцы! Вы, бесстрашные слуги Ареса!
Вы не бросайтесь теперь на добычу, не медлите, други,
Сзади рядов, чтоб унести больше в стан корабельный трофеев.
70 Прежде врагов поразим! Ну а после уж вы их неспешно
Сможете всех обнажить, с трупов их сняв доспехи спокойно».

Так говоря, возбудил дух и мужество в каждом бойце он.
Дрогнув, трояне тогда от данаев, что бранью дышали,
Скрылись бы в город родной, побеждённые собственным страхом,
75 Если б Гелен Приамид, знаменитейший птицегадатель,
Мудрый совет свой не дал брату Гектору, с ним и Энею:
«Гектор, Эней! Ведь на вас, воеводы, лежит прежде прочих
Бремя трудов и забот о народе троянском! Отличны
В каждом намеренье вы: пусть сражаться нужда, или мыслить.
80 Встаньте же вы у ворот, и бегущих троян удержите,
Сами подайте пример ратоборства, чтоб женам в объятья
В бегстве не пали они, на потеху и радость ахейцам!
И лишь поднимете дух у троянских фаланг перед Троей,
Здесь, у ворот, станем мы с аргивянами насмерть сражаться,
85 И не отступим, сколь нас ни теснят! Так велит неизбежность.
Ты же тогда поспеши в город, брат, и совет мой поведай

Матери нашей: пускай созовёт благородных троянок
Всех в наш акрополь, где храм светлоокой Паллады Афины.
Храма священного дверь открывая, внесёт пусть с собою
90 Самый прелестный из всех, что ни есть в царском доме, и самый
Ею любимый покров, величайший и пышный убранством.
Пусть на колени его дивнокудрой Афине возложит
И даст обет заколоть в честь её однолетних двенадцать
Тёлок, не знавших ярма, если, просьбы услышав, богиня
95 Город помилует, жён, стариков и младенцев невинных;
Если она отразит Диомеда от Трои священной,
Воина бурного и повелителя мощного бегства,
Воина, думаю я, из ахейцев храбрейшего в стане!
Так и Пелид не страшил нас, великий мужей предводитель,
100 Хоть и рожден, говорят, он богиней! Тидид аргивянин
Пуще лютует: никто не сравнится с ним мужеством в битве!»

Так он сказал. И совет брата приял божественный Гектор.
Вмиг с колесницы своей он с оружием спрыгнул на землю;
Острые копья, кругом обходя ополченья, колеблет,
105 Дух распаляя бойцов; и воздвиг снова страшную сечу.
Тут же трояне в лицо аргивян развернулись и – в битву!
И аргивяне назад подались, прекратили убийство,
Думая, что это бог, к ним сошедший со звездного неба,
Встал на защиту троян: так внезапен и смел был их натиск.

110 Гектор троянам ещё громогласно кричал, возбуждая:
«Храбрые Трои сыны! И союзники славные наши!
Будьте мужами, друзья, о неистовой вспомните силе!
Я ненадолго от вас отлучусь, чтобы в Трое священной
Старцам советным сказать, также – нашим супругам любезным,
115 Чтобы молились богам, обещая стотельчные жертвы».

Так говоря им, летел ярким шлемом сверкающий Гектор;
Сзади его по ногам и по шее трепалась концами
Черная кожа, что щит окаймляла огромный и прочный.

Главк Гипполохид меж тем, также – сын знаменитый Тидея
120 На колесницах неслись в центр, меж войск, чтобы в битве сразиться.
Чуть лишь герои сошлись друг на друга, для битвы жестокой,
Первым сопернику так говорит Диомед многомошный:
«Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?
Прежде не видел тебя я в боях, прославляющих мужа;
125 Нынче же, вижу, что ты своей смелостью всех превосходишь,
Если ты, выйдя сюда, ждёшь мою длиннотенную пику.
Дети несчастных отцов лишь встречаются с силой моею!
Если ж ты бог, что сошёл от высокого неба на землю, –
Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться.
130 Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
Долго не жил, на богов небожителей руки поднявший.

Некогда, дерзкий, напал на кормилиц весёлого Вакха,
В Ниссе божественной он их преследовал: нимфы вакханки
Тирсы зелёные в пыль побросали, спеша от Ликурга.
135 Дротиком острым разил их убийца свирепо. И в страхе
Вакх в море бросился, где был он с ласкою принят Фетидой,
Трепетный, в ужас придя от неистовства буйного мужа.
В гнев на Ликурга пришли все спокойно живущие боги.
Зевс же тогда ослепил Дриасида Ликурга; и после
140 Жизнью не долгой уж он наслаждался, богам ненавистный.
Нет, ни за что не хочу я с богами бессмертными биться!
Если же смертный ты муж и земными плодами ты вскормлен,
Ближе ко мне подойди, и скорее ты смерти достигнешь».

Тотчас ему отвечал Гипполоха воинственный отпрыск:
145 «О благородный Тидид, для чего хочешь знать ты о роде?
Листьям в дубравах лесных мы подобны, сыны человеков:
Осенью ветер листву по земле рассыпает; весною
Снова дубрава листву порождает, сама расцветая.
Так же и люди: одни погибают, рождаются другие.
150 Если ж ты хочешь узнать, я скажу, – чтобы знал моих предков.
Также и род мой узнай, так как он очень многим известен.
В Аргосе – славе коней, – знаменитый есть город Эфира;
В городе этом Сизиф обитал, премудрейший из смертных.
Этот Сизиф Эолид был родителем славного Главка.
155 Главк же на свет произвёл непорочного Беллерофонта.
Боги ему дали в дар красоту и любезную доблесть.
Только царь Прет погубить неповинного злобно задумал,
И из народа изгнал. Прет был сильным ахейским владыкой,
Ведь под его царский жезл покори́л сам Кронион ахеян.
160 С юношей Прета жена, молодая Антия, хотела
Тайно любовь завязать; но, исполненный чувств благородных,
К ней непреклонен он был, честный Беллерофонт непорочный.
В гнев Антия тогда клеветала властителю Прету:
– Смерть тебе, Прет, если сам не погубишь ты Беллерофонта!
165 Он ведь любовью хотел насладиться со мной, не желавшей. –
Гневом великим вскипел повелитель, услышав такое.
Но не решился убить: он в душе ужасался убийства.
В Ликию выслав его, он вручил ему тайные знаки,
Что на дощечке складной начертал на погибель посланцу;
170 Тестю велел показать ту дощечку: от тестя пусть гибнет.
Беллерофонт в дальний путь под защитой бессмертных пустился.
Мирно ликийской земли он достиг и пучинного Ксанфа.
Принял радушно его повелитель Ликий обширной;
С ним девять дней пировал, каждый день по быку зарезая.
175 Но лишь богиня Заря в день десятый опять воссияла,
Гостя расспрашивать стал царь, потребовал знаки увидеть,
Те, что принёс он ему от любезного зятя, от Прета.
Их получил и, прочтя злосоветные знаки от зятя,
Беллерофонту тотчас повелел уничтожить Химеру

180 Лютую, что от богов по породе была, не от смертных:
Лев головою, коза серединой, дракон своим задом,
Страшный всеядный огонь выдыхала Химера из пасти.
Но под защитой богов поразил он чудовище в схватке.
После ходил он войной на солимов, народ знаменитый.
185 Битва ужасней, чем та, говорил он, была не с мужами:
А в третьем подвиге, где амазонок разбил мужевидных.
Но, возвращался когда, царь опять ему гибель подстроил:
Выбрав храбрейших мужей по Ликий пространный в засаду,
Скрыл на пути; но никто не вернулся домой из засады:
190 Беллерофонт поразил всех храбрейших мужей непорочный.
Только тогда царь признал знаменитую отрасль бессмертных;
В дом свой его пригласил и отдал ему дочь свою в жёны,
Также ему передал половину из почестей царских;
Также ликийцы ему отделили удел превосходный,
195 Лучшее поле, где сад разовьёт он и пашни, владея.
Трое родилось детей от премудрого Беллерофонта:
Сын Гипполох, сын Исандр с Лаодамией нежной, прекрасной.
Зевс громовержец возлёт с Лаодамией нежной. От Зевса
Вскоре она родила Сарпедона, подобного богу.
200 Беллерофонт всем богам напоследок вдруг стал ненавистен,
Он одиноко блуждал, по долине Алейской скитаясь,
Сердце тоскою губя и тропинок людских избегая.
Сына Исандра его Эниалий, ненасытный убийством,
Свергнул, когда воевал тот с солимами, славным народом.
205 Ну а прекрасную дочь, – златоуздая Феба убила.
Но Гипполох ещё жив, мой отец. Я горжусь нашим родом.
В Трою меня он послал, и, прощаясь, наказ дал мне строгий:
В битвах чтоб всех превзошёл, отличился, стараясь повсюду,
Род не бесчестил отцов, тех, что славой своей боевою
210 Стали известны везде: и в Эфире, и в царстве ликийском.
Вот благородная кровь той породы, которой горжусь я».

Так он сказал. Диомед тут наполнился радостью светлой,
Медную пику свою он воткнул в даровитую землю,
И речь приветную сам устремил к предводителю Главку:
215 «Сын Гипполохов! Ты гость мне отеческий, гость стародавний!
Некогда дед мой Иней знаменитого Беллерофонта
В собственном доме своём двадцать дней угощал дружелюбно.
Оба друг другу они превосходные дали подарки:
Дед мой Иней подарил ему блестящий пурпуром пояс;
220 Беллерофонт преподнёс золотой ему кубок двудонный.
Кубок тот в доме своём я оставил, в поход отправляясь.
Только Тидея, отца, я не помню: младенцем оставил
Он меня в дни, как погиб вместе с войском в походе на Фивы.
Слушай, храбрец! Я тебе другом в Аргосе буду отныне,
225 Ты же – в Ликий мне будь, если я вдруг прибуду к ликийцам.
Мы же по толпам теперь разойдёмся с оружием нашим.
Много здесь есть для меня и троян и союзников Трои;

Буду разить, кого бог приведёт, и кого я настигну.
Много здесь и для тебя аргивян, поражай, кого сможешь.
230 Главк! И оружием давай обменяемся нашим; пусть знают
Все, что мы дружбой с тобой со времен праотцовских гордимся!»

Так говорили они, а затем с колесниц соскочили,
За руки крепко взялись и друг другу клялись в верной дружбе.
И в это время затмил Зевс Кронион рассудок у Главка:
235 Он Диомеду отдал золотой свой доспех, что ценился
В сотню тельцов, обменяв на ценный лишь в девять, на медный.

Гектор меж тем подошёл уже к Скейским воротам, где дуб рос.
Плотно его окружив, жёны, дочери гордых троянцев
Вести хотели узнать о мужьях, сыновьях и о братьях,
240 О женихах и друзьях. Только Гектор велел им молиться
Всем небожителям: пусть отведут они грозные беды!

Вот подошёл он уже и к прекрасному дому Приама
С рядом высоких колонн, что отделаны гладко, изящно.
Вдоль галереи стоят, из камней гладкотёсных, по кругу,
245 Близко одна от другой пятьдесят пышных спален, в которых
Спали Приама сыны с их цветущими жёнами вместе.
А на другой стороне, во дворе, – дочерей были спальни,
Близко одна от другой и под крышей одной, их двенадцать
Из гладкотёсных камней размещалось уютных, в которых
250 Спали Приама зятья с их стыдливими жёнами вместе.
Гектора встретила там сострадательная мать Гекуба,
Шла она к дочери в дом, к самой дивной из них, к Лаодике.
За руку сына взяла мать, волнуясь, и так говорила:
«Что ты, о, сын мой, пришёл, и оставил свирепую битву?
255 Верно, жестоко теснят ненавистные мужи ахейцы?
Битва уже у стены, и тебя сердце к нам устремило?
Хочешь ты руки воздеть из акрополя к Зевсу владыке?
Но подожди, я вина чашу вынесу, Гектор мой милый,
Чтоб возлияние ты сделал Зевсу и прочим бессмертным.
260 После, коль хочешь, и сам тоже выпей, чтоб дух укрепился;
Сил прибавляет вино, если труд истомил человека.
Ты ж истомился, мой сын, защищая сограждан. Я вижу».

Матери так отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«О, досточтимая мать! Сладких вин не носи мне, не надо.
265 Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
Зевсу ж вино возливать не дерзну неомытой рукою.
Знаешь сама, что нельзя осквернённой кровью и пылью
Чествовать или молить собирателя туч, громовержца.
Ты же немедля, о мать, в храм Афины добычелюбивой,
270 Жён благородных собрав, с благовонным курением шествуй.
Также с собою возьми самый лучший, что есть в царском доме,
Самый любимый покров, величайший и пышный убранством.

И на колени его возложи дивнокудрой Афине,
Дай ей обет заколоть в честь её однолетних двенадцать
275 Тёлок, не знавших ярма, если, просьбы услышав, богиня
Город помилует, жён, стариков и младенцев невинных;
Если она отразит Диомеда от Трои священной,
Воина бурного и повелителя мощного бегства.
Ну же, не медли, о, мать! Собирай к храму жён благородных!
280 Я же к Парису иду, чтоб к войскам его вызвать из дому,
Если захочет меня он услышать. О! лучше б под землю
Он провалился! Его воспитал Олимпиец на гибель
Трое, Приаму отцу, да и всем нам, Приамовым детям!
Если б увидел его я сходящего в бездны Аида,
285 Кажется, сердце моё позабыло бы горькие беды!»

Тотчас служанок к себе позвала всех, что в доме, Гекуба;
Их послала по домам созывать благородных троянок.
Ну а сама между тем в благовонную комнату входит;
Много там было добра: дивных платьев, покровов работы
290 Женщин сидонских; то ей из Сидона Парис боговидный
Как-то однажды привёз, когда шёл он путями морскими,
Вместе с похищенной им знаменитой Еленой прекрасной.
Выбрав из тканей одну для могучей богини Афины, –
Лучшую в доме своём, наибольшую, с пышным узором,
295 С ярким сиянием звёзд, что лежала на дне, под другими, –
С ней она к храму пошла, и за ней благородные жёны.

Вскоре троянки пришли в храм Афины, в акрополе Трои.
Двери раскрыла, впустив их, прелестная видом Феано.
То дочь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
300 Трои мужами она была избрана в жрицы Афины.
Жёны там, руки воздев, все молились Афине Палладе.
Ткань у Гекубы взяла принесённую жрица Феано
И, на колени её возложив дивнокудрой богине,
Молит, давая обет Зевса дочери сильной, Палладе:
305 «Мощная в битвах, ты – щит милой Трои, Паллада Афина!
Молим, копьё сокруши Диомеда, богиня, сегодня ж!
Пусть он, погибельный, сам ниц падёт перед башнею Скейской!
Нынче ж двенадцать коров однолетних, ярма не познавших,
В жертву тебе принесём, если, наши молитвы услышав,
310 Город помилуешь, жён, стариков и младенцев невинных!»
Так возглашала, молясь. Но Афина молитву отвергла.

Той же порой, как они умоляли рождённую Зевсом,
Гектор великий достиг и Парисова пышного дома.
Сам он построил тот дом, помогали мужи, что в то время
315 Лучшими зодчими всей многохолмной Троады прослыли.
В стенах акрополя, близ дома Гектора с домом Приама,
Зодчие в доме его возвели двор, столовую, спальню.
Гектор божественный в дверь тут вошёл; он в руке правой держит

Пику огромную, чуть ни в двенадцать локтей, и на древке
320 Медное жало блестит и кольцо вокруг него золотое.
Брата он в спальне нашёл, тот трудился над пышным оружием:
Гнутые луки, и щит он, и латы испытывал, праздный.
Там же, в домашних кругу, – и Елена Аргивская тоже;
Жёнам работы она, рукодельницам всем, назначала.
325 Гектор, на брата взглянув, укорял оскорбительной речью:
«Как ты не вовремя, брат, напыщаешься гневом, несчастный!
Гибнет троянский народ под высокими стенами Трои!
Бьётся с сильнейшим врагом! За тебя же война и сраженья
Под Илионом горят! Ты ведь сам отругал бы любого,
330 Если б увидишь кого оставляющим грозную битву.
Так поспеши же, пока враг огнём Илион не разрушил!»

Тут же ответил ему Приамид Александр боговидный:
«Гектор, ты прав, и бранишь ты меня справедливо и верно.
Душу открою тебе; ты присядь, подожди и послушай:
335 Я не от гнева совсем, не от злобы на граждан троянских
В спальне сидел до сих пор: я хотел лишь печали предаться.
Нынче ж супруга меня словом мудрым своим убедила
Выйти на битву опять. И теперь уже чувствую сам я:
Лучше сражаться идти. Переменчива к людям победа.
340 Ты подожди, я сейчас, боевые доспехи надену...
Или иди: поспешу за тобой; нагоню, я надеюсь».
Только ни слова в ответ не сказал ему Гектор великий.

К Гектору с лаской тогда обратилась Елена смиренно:
«Деверь бесстыдной жены, нечестивой виновницы бедствий!
345 Если б в тот день, как меня мать на свет породила, свирепый
Вихрь бы поднял и умчал на пустынную гору, или же
В море ревущее он гневно бросил, в кипящие волны, —
Те поглотили б меня и несчастья к вам не пришли бы!
Но, раз несчастья те боги нам предназначили сами,
350 Пусть хоть послали бы мне благороднее сердцем супруга,
Мужа, что чувствует стыд и приемлет укоры людские!
Этот, как был до сих пор легкомыслен, так вечно и будет;
И, я надеюсь, за то он пожнёт те плоды, что посеял!
Ты же, мой деверь, войди, в кресло сядь, успокоиться душою.
355 Вижу я, душу твою угнетают труды и заботы
Из-за Париса вины, также из-за меня, недостойной.
Злую нам участь Кронид предназначил, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!»

Тут же в ответ ей сказал шлемоблещущий Гектор великий:
360 «Сесть не проси; как со мной ни мила ты, Елена, не сяду.
Рвется душа моя в бой, я спешу на защиту сограждан,
Тех, что на ратных полях моего возвращения жаждут.
Лучше Париса заставь выйти к бою, да пусть поспешает;
Пусть уж потрудится он ещё в стенах догнать меня Трои.

365 Я лишь свой дом посещу и на малое время останусь
Видеть домашних, жену дорогую, да сына-младенца,
Так как не знаю ещё, возвращусь ли к своим я из боя,
Или погубят меня в гневе боги руками данаев».

Это сказал и ушёл шлемоблещущий Гектор великий.
370 Скоро достиг он, герой, своего благозданного дома.
Но в доме он не застал белоплечей жены Андрوماхи.
С сыном она и с одной лишь кормилицей пышно одетой
Вышла на башню, и там предавалась печали и плачу.
Гектор, когда не нашёл непорочной и милой супруги,
375 Встал на пороге и так говорил он прислужницам в доме:
«Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
Где Андрوماха, куда удалилась из дому супруга?
Вышла к золовкам своим, или к пышно одетым невесткам?
Или же к храму пошла, где и все благородные жёны
380 Грозную Зевсову дочь о спасении молят, Афины?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.